

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет**

На правах рукописи

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ У ЧЕЧЕНЦЕВ
(XIX – начало XX века)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 2016

Работа выполнена на кафедре истории мировой культуры и музееведения исторического факультет ФГБОУ ВО Чеченского государственного университета (г. Грозный)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Мартынова Марина Юрьевна директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

доктор педагогических наук, доцент

Мусханова Исита Вахидовна, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный).

доктор исторических наук, профессор

Багновская Нела Михайловна кафедра рекламы, дизайна и связей с общественностью Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей»

Защита состоится «15» февраля 2016 г. в ___ час. на заседании диссертационного совета Д 501.001.78 по археологии, этнографии и антропологии при Московском государственном университете М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет МГУ, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки им. А.М. Горького (МГУ, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4), а также на сайте <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Hasbulatova.htm>

Автореферат разослан «10» ноября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Е.А. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Этнография/этнология детства как одна из сфер гуманитарного знания, направленная на исследование различных аспектов традиционной культуры воспитания детей, стала особенно востребованной в предшествующем столетии. Это было обусловлено целым рядом факторов социального, демографического, культурного характера, а также внутренней логикой развития науки. Исследование традиционной культуры воспитания детей, всесторонний анализ, учет и использование народных традиций воспитания, народной педагогики чеченцев, как и других народов Кавказа, сегодня, несомненно, являются актуальными научными проблемами и относятся к разряду приоритетных задач отечественного кавказоведения, представляя не только научный, но и востребованный практический интерес.

«Мир детства и способы воспитания детей – старый и вместе с тем вечно новый предмет наук о человеке и обществе. Не зная, как тот или иной народ воспитывает своих детей, невозможно понять ни его образ жизни, ни особенности его социальной истории», – отмечает известный специалист в области этнографии детства И.С. Кон¹.

Проблема совершенствования воспитания подрастающего поколения, приобретая сегодня особую остроту и звучание, стоит в центре внимания многонационального российского общества. Одно из условий решения этой важной и сложной задачи – творческое применение всего того богатейшего опыта, который накоплен народами в течение веков и основан на национальных традициях. Отношения научной и народной педагогики должны строиться на основе взаимодействия и взаимодополнения, при которых научная педагогика, практически осваивая народный опыт, воспитывает в молодежи определенную культуру поведения, присущую тому или иному этносу.

Традиционная культура воспитания связана со спецификой этнического бытия, с соционормативными и ментальными особенностями народа, с его семейным и общественным бытом, т.е. с этнической культурой в широком смысле этого понятия. Этнические педагогические традиции – это накопленный на протяжении длительного времени опыт традиционной культуры воспитания, продукт коллективного творчества многих поколений, включающий в себя методы формирования личности ребенка, приспособления его к жизни в данном конкретном обществе. Приобщение к традициям народа особенно важно и значимо в самом раннем возрасте: ведь своего рода

---

¹ Кон И.С. Введение // Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 3.

«нравственный код» каждого человека закладывается с детства, главным образом в семье, и эта «матрица» его личности в основных своих чертах остается неизменной всю его жизнь. Таким образом, в период становления личности национальное воспитание, приобщение к традициям народа особенно важны и значимы, так как именно в раннем детстве в человеке закладываются основы нравственной, этической, эстетической культуры.

Духовное богатство и нравственно-этические устои народов нашли свое отражение в стремлении привить молодежи высокие моральные качества, что, в свою очередь, создавало условия для сохранения благоприятного нравственного климата для будущих поколений. Таким образом, процесс воспитания имел непрерывный и многосторонний характер, который находился в зависимости от социального положения, пола и возраста объекта воспитания. Внушение и убеждение, а также личный пример всегда были важнейшими методами воспитания. Наряду с совершенствованием физического развития существенная роль отводилась выработке определенных морально-волевых качеств: смелости, стойкости, воле, выдержке и т.д.

Этнопедагогика – сокровищница культурного наследия и народного опыта, которая целенаправленно и систематически обеспечивала определенный уровень развития познавательных потребностей человека и его подготовку к тому или иному виду практической деятельности в соответствии с потребностями общества.

Актуальность темы диссертационной работы определяется тем, что она представляет собой первое специальное комплексное этнографическое исследование культуры воспитания детей у чеченцев в XIX – начале XX в., основанное на всестороннем, глубоком анализе полевых, архивных, литературных, фольклорных и других материалов. Комплекс традиций, связанных с детством, играл и играет важную роль в традиционном быту любого этноса, в том числе и чеченского, поскольку он посредством различных обрядовых действий и ритуалов оформлял и маркировал все этапы одного из главных моментов человеческого бытия – рождение ребенка, его развитие, взросление, отдельные этапы социализации и аккультурации, – все то, что сопровождало вхождение нового человека в социум.

Известно, что процесс воспроизводства населения является биологической основой существования этноса и нашел отражение в различных аспектах традиционной культуры народов, особенно в культово-обрядовых действиях и религиозно-мифологических воззрениях.

Изучение обрядов и обычаев детского цикла является существенной частью комплексного этнографического исследования народов и их культурных систем и дает

возможность рассмотреть разные стороны традиционного семейного и общественного быта в процессе его становления и развития. Исследование традиционных обрядов и обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей, позволяет выявить и изучить пережитки архаических социальных институтов, ранних форм религии, вопросы народной педагогики и некоторые области народной медицины.

Актуальность исследования данной проблемы заключается также в том, что большое значение для понимания социально-исторической обусловленности формирования и развития этнической культуры чеченцев имеет всестороннее изучение обычаев и обрядов детского цикла, которые своими корнями уходят в глубокую древность, дает возможность увидеть в них наслоения различных периодов и эпох исторического развития. И это в свою очередь позволяет использовать и правильно оценить народный опыт и традиции в области воспитания детей в интересах современного чеченского общества. Без глубокого изучения народных традиций – богатого духовного наследия прошлых поколений – нельзя отделить содержащиеся в них прогрессивные, рациональные моменты от пережиточных, утративших свое значение для современности.

Актуальность изучения проблемы традиционной культуры воспитания, традиционных обрядов и обычаев детского цикла на чеченском материале состоит также в том, что вследствие существенных социально-экономических и культурных преобразований в Чечне обычаи и традиции, которые были связаны с детством, подверглись и подвергаются буквально на наших глазах порой весьма значительным изменениям. Поэтому представляется особенно важным и своевременным сбор полевого материала по интересующей нас теме, особенно у информантов старшего поколения, в памяти которых запечатлены и те аспекты традиционной культуры воспитания чеченцев, которые уже ушли из реальной действительности чеченского общества.

Тем не менее следует подчеркнуть, что несмотря на происходящие изменения, ориентация на традиционную народную культуру является определяющей особенностью социокультурных процессов, имеющих место в чеченском обществе сегодня.

Этническое, языковое, конфессиональное многообразие Кавказа определило и многообразие локально-этнических форм традиционной культуры воспитания, свойственных народам этого региона. В связи с этим большой интерес представляет сопоставление чеченских традиций воспитания с традициями воспитания других народов Кавказа и сопредельных регионов, что позволит выявить общее и особенное в этой области традиционно-бытовой культуры.

Изучение традиционных обрядов и обычаев, связанных с детством, представляет несомненный научно-практический интерес. Выявление и отбор положительных традиций

народного воспитания обогащают арсенал воспитательных средств и воздействий современной научной педагогики. Изучение прогрессивных сторон народной педагогики следует использовать в интересах воспитания молодого поколения и в наше время. В этом также актуальность изучения традиционной практики воспитания детей у чеченцев. Исследование народной педагогики чеченцев, традиций культуры воспитания как одного из важных структурных компонентов культуры этноса представляет существенный научно-теоретический и практический интерес, поскольку рассматривает важнейший период не только становления личности, но и культуры общества в целом.

Объектом исследования является традиционная культура чеченцев и происходящие в ней трансформационные процессы.

Предмет исследования составляет культура воспитания детей у чеченцев – сложный комплекс традиций, обрядов, норм поведения, механизмов и институтов социализации, средств и методов воспитания, которые в совокупности обеспечивали воспитание подрастающего поколения.

Цель работы состоит в комплексном и всестороннем изучении традиционной культуры воспитания чеченского народа и ее эволюции в процессе исторических, социально-экономических, формационных, социокультурных трансформаций, выявлении ее общих и локальных черт, а также ее взаимосвязей с традициями воспитания соседних кавказских народов.

Задачи исследования:

– изучить народные представления чеченцев о «ценности» детей, их роли, значимости подрастающего поколения для семейного и родственного коллектива, в целом для общества; о влиянии наличия/отсутствия детей на статус и положение женщины;

– рассмотреть особенности периода беременности и тот комплекс мер, который был выработан народом для сохранения жизни и здоровья матери и будущего ребенка, для обеспечения ему здоровья, благоприятных физических и нравственных качеств;

– выявить особенности родильной обрядности чеченцев (роль повитухи, членов семьи, родственников, соседок и т.д.) при родах; определить роль рациональных и иррациональных приемов родовспоможения;

– выявить особенности послеродового периода (его длительность, соблюдавшиеся в это время запреты, основные правила поведения для роженицы и других членов семьи);

– изучить основные народные приемы охраны здоровья роженицы и новорожденного в послеродовой период и в период младенчества, систему ухода за детьми;

– выявить и проанализировать комплекс обрядов периода младенчества, символизировавших определенные этапы развития ребенка, приобщения его к семейному, родственному, общинному коллективу;

– рассмотреть традиции игровой культуры чеченцев, ее общественные функции, роль игрушек, игр, развлечений и спортивных состязаний в социализации детей разного возраста, выявить гендерный аспект чеченской игровой традиции;

– изучить способы и методы физического воспитания, его гендерные особенности;

– выявить специфические особенности трудового воспитания: его основные этапы, гендерную и хозяйственную специфику, экологический аспект приобщения к трудовой деятельности;

– дать анализ форм искусственного родства, связанных с детской обрядностью;

– рассмотреть роль семьи и общества в процессе воспитания подрастающего поколения; определить специфику воспитания в зависимости от бытовавших форм семьи (малая, большая, расширенная семья и т.д.);

– проанализировать основные этапы нравственного и эстетического воспитания в чеченском обществе и их особенности.

Теоретико-методологическая основа работы. Методология диссертационной работы включает методы сбора и обработки полевых данных и методы анализа и интерпретации полученного материала. В нашем исследовании были использованы следующие методы сбора полевого материала: интервью (стандартизированные, по заранее составленному вопроснику, а также нестандартизированные, в форме беседы), групповое интервью (в различных повседневных ситуациях), личные наблюдения. Значительная часть полевого материала была получена не только в ходе экспедиционных поездок, но и при использовании стационарного метода исследования, путем многолетнего включенного наблюдения, что позволило не только собрать интересующие нас факты, но и зафиксировать их в контексте повседневности чеченского этноса.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляет комплекс методологических принципов, характерных для отечественной историко-этнографической науки – сравнительно-исторический и синхронно-диахронный методы. Их применение было обусловлено также хронологическими рамками нашего исследования. Сравнительно-исторический метод определил подход к изучаемым явлениям как к определенным реалиям исторической действительности, изменяющимся с ходом времени и под влиянием тех или иных конкретно-исторических условий, влияний и трансформаций. Синхронно-диахронный метод предполагает рассмотрение предмета исследования в единстве истории и современности, позволяет выявить механизм их

взаимодополнительности и взаимодействия. Применение этого метода по отношению к анализируемым фактам и явлениям позволило обнаружить взаимную зависимость и взаимную обусловленность изучаемых категорий, закономерности их развития и модернизации.

Принцип комплексности в исследовании подразумевает рассмотрение анализируемых нами социокультурных явлений как взаимосвязанных и взаимозависимых

Хронологические рамки исследования обусловлены важностью изучения динамики изменения традиций воспитания и охватывают период второй половины XIX – начала XX в., когда еще достаточно устойчиво сохранялись традиционные формы уклада жизни чеченцев. Именно к этому периоду относится и большая часть литературы, которая дала возможность проанализировать традиции и образ жизни чеченского народа, а также национальные особенности этнографии детства чеченцев. Избранные нами временные рамки важны также и тем, что в этот период начинаются существенные качественные изменения в хозяйственной, общественной и семейной жизни чеченцев в связи с активным включением края в хозяйственно-экономическую жизнь Российской империи. Период XIX – начала XX в. относительно ярко демонстрирует особенности традиционных норм воспитания, нравственной культуры, норм поведения чеченцев.

Территориальные рамки исследования в основном ограничены современной территории Чеченской Республики, где компактно проживает основная часть чеченцев, среди которых до настоящего времени достаточно устойчиво сохраняются многие элементы традиционной культуры.

Степень изученности темы. Мир детства – существенная часть образа жизни и культуры каждого отдельного народа и человечества в целом. Интерес к особенностям культуры воспитания у разных народов характерен уже для древнейших литературных и научных произведений. Но этнография детства как особая область гуманитарного знания сформировалась довольно поздно, первоначально в рамках англо-американской научной сферы и была связана с определенным хронологическим этапом развития науки.

На развитие этнографии детства значительное влияние оказала американская исследовательница М. Мид², которая была первым этнографом, для которой мир детства стал основным и главным предметом исследования.

В зарубежной гуманитарной науке детство стало предметом активного изучения с 1960-х годов. Важным этапом в исследовании этнографии детства считается уже ставшая классической книга Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», изданная

---

² Мид М. Культура и мир детства. М., 1988; Она же. Взросление на Самоа. Психологическое исследование примитивной юности для Западной цивилизации. М., 1992.

на французском языке в 1960 г. Новаторство представленной Ф. Арьесом концепции состояло в том, что в понятии «детство» он видел не данную на все времена реальность, а социальный конструкт, наполняемый различным содержанием и различным материальным «сопровождением» в разных культурах и эпохах. Ф. Арьес конкретно показал, что детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, которое имеет сложное и неодинаковое социальное и культурное содержание в разные эпохи. Этот труд совершил своеобразный прорыв в изучении мира детства. Во многом именно под его влиянием за последние полвека мировая научная литература обогатилась множеством различных работ, где детство изучалось комплексно, при интеграции методов этнографии, истории, педагогики, социологии, психологии, педиатрии³.

Рассматривая отечественные традиции изучения мира детства, отметим, что российские исследователи уделяли определенное внимание этой теме, но, как правило, включали ее в общие описания традиционных форм жизни и поведения у разных народов и в описания народного быта. В дореволюционной российской науке специальные исследования в области мира детства проводили лишь некоторые ученые: В.Н. Харузина, Н.Н. Харузин, Е.А. Покровский, В.В. Богданов. В.Н. Харузина даже отмечала, что в русской дореволюционной этнографической литературе «мир детей пользовался незаслуженным пренебрежением»⁴.

В кавказоведческой литературе того периода, при отсутствии специальных работ по культуре воспитания и миру детства, многочисленные сведения об обрядах детского цикла, традициях воспитания, включения детей в трудовую жизнь и т.д. можно встретить практически в каждой книге или статье историко-этнографического направления, посвященной тому или иному народу Кавказа. Интерес к данной проблеме в кавказоведении существовал всегда, но изучение ее происходило фактически лишь попутно, в связи с изучением общих вопросов образа жизни, семейного и общественного быта народов, поэтому целостной картины процесса социализации детей создано не было.

В советское время изучение проблем этнографии детства, проблем этнопедагогики на материалах разных народов получило значительное развитие. Большую роль в активизации и продвижении этнографических исследований, посвященных миру детства, сыграл И.С. Кон. Его заслугой было также создание работ историографического характера, познакомивших российского читателя с достижениями западной науки в этой области.

---

³ Комарова Г.А. Этнография детства: Междисциплинарные исследования. М., 2010. С. 41.

⁴ Харузина В.Н. Игрушка малокультурных народов // Игрушка: Ее история и значение / ред. Н.Д. Бартрем. М., 1912. С. 85.

По инициативе И.С. Кона и под его редакцией с 1980-х годов Институт этнографии АН СССР начал издавать серию работ по этнографии детства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Это были первые в советской историографии комплексные исследования этнографии детства у народов Передней, Южной, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании и Индонезии, и что особенно ценно – написанные по единому плану, в соответствии с составленным создателями этих книг вопросником⁵. Во многом под влиянием данных публикаций этнография детства стала довольно активно развивающейся областью этнографического знания. К настоящему времени работы этого направления имеются практически по всем народам не только Кавказа, но и всей нашей страны. В частности, многочисленные публикации по проблемам детства, которые, как правило, нередко имеют и прикладное, практическое значение для современного образовательного процесса, посвящены русским, а также коренным народам Сибири⁶. Эти научные публикации и учебные пособия востребованы в процессе подготовки специалистов-педагогов, поскольку учебная дисциплина «Этнопедагогика» является одной из составных частей профессиональной образовательной программы подготовки специалистов дошкольного профиля. Публикуются и издания энциклопедического характера, посвященные миру детства⁷. Отечественные исследователи разрабатывают данную тематику и на материалах зарубежных стран, в частности на примере народов Европы⁸.

Обращаясь к сфере этнографического кавказоведения, отметим, что и в советское и в постсоветское время отдельные аспекты проблемы детства находили отражение во многих публикациях, особенно посвященных духовной и соционормативной культуре.

Богатый и разнообразный этнографический материал по интересующей нас теме содержится в многочисленных монографических описаниях семьи и семейного быта различных народов Северного и Южного Кавказа. Как правило, в подобных работах отдельный раздел был посвящен обрядам детского цикла, а иногда и некоторым традициям воспитания⁹. С 1970–1980-х годов все чаще стали появляться статьи,

---

⁵ Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983; Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988; Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992.

⁶ Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000; Науменко Г.М. Народная мудрость и знания о ребенке: Этнография детства. М.: Центрполиграф, 2001; Ребенок в современном мире: Дети и город. СПб., 2002; Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001; Стракач Ю.Б. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Новосибирск, 1966; Сундуй Г.Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития национальной школы; Тувинское кн. изд-во, 2009; Карабулатова И.С. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: заговоры, обряды и колыбельные народов Тюменской области. Тюмень: Экспресс, 2005; и др.

⁷ Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: Исеть, 2006.

⁸ Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны Зарубежной Европы. М.: Наука, 1997.

⁹ Тер-Саркисянц А.Е. Современная семья у армян. М., 1972; Смирнова Я.С. Традиции и инновации в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). М., 1973; Она же: Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт. Формирование, тип и структура / Народы Кавказа.

специально рассматривавшие обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, традиции воспитания¹⁰.

Этнографическому изучению проблем детства со второй половины XX в. стало уделяться все большее внимание также в кавказоведческих центрах Москвы и Санкт-Петербурга. Так, в отделе Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), которым руководил В.К. Гарданов, под его научным руководством в 1970–1980-е годы были защищены несколько кандидатских диссертаций на эту тему; данная тематика разрабатывалась и на кафедре этнографии/этнологии МГУ. Многие работы Я.С. Смирновой были посвящены вопросам воспитания детей у абхазов, адыгов и других народов Северного Кавказа, а также общетеоретическим аспектам этой проблемы¹¹. В Санкт-Петербурге были изданы капитальные работы Ю.Ю. Карпова, имевшие большой отклик в этнографическом кавказоведении, в частности они оказали влияние на усиление интереса к гендерным аспектам проблем социализации¹².

Начиная с 1980–1990-х годов было издано значительное количество монографий, посвященных различным народам Северного Кавказа¹³ и Дагестана¹⁴, где нашла отражение и тематика, связанная с культурой детства.

Кн. 3, ч.1. М., 1995; Семья как элемент социальной среды: Сборник тезисов. Кизляр, 2009; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М., 1979; Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991; Магомедов А.Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе, 1962; Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983; Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982; Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003, и др.

¹⁰ Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – начало XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1981; Керейтов Р.Х. Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979; Киржинов С.С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту // АЭС. Нальчик, 1974; Он же. Некоторые обычаи адыгов, связанные с рождением и воспитанием детей // Труды КЧНИИ. Черкесск, 1974. Вып. 7; Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980; Соловьёва Л.Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX – начале XX века // СЭ. 1982. № 4, и др.

¹¹ Смирнова Я.С. Аталычество и усыновление у абхазов в XIX–XX вв. // СЭ. 1951. № 2. С. 105–113; Она же. Воспитание ребенка у абхазов // КСИЭ. Вып. 36. М., 1962. С. 36–43; Она же. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИ. Майкоп, 1968. Вып. 7. С. 109–178; Она же. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 47–98 и др.

¹² Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Он же. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.

¹³ Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988.

¹⁴ Агларов М. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Алимова Б.М. Табасаранцы: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1992; Она же. Кайтаги: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1998; Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993; Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003; Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанов Ш.А. Агулы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990; Она же. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2005; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994; Они же. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000; Они же. Каралал (Каратинцы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2009; Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Ризаханова М.Ш. Гунзибцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001; Она же. Лезгины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; Она же. Гинухцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006, и др.

Культура воспитания многих народов Кавказа стала предметом специального рассмотрения в монографиях этнографической и этнопедагогической направленности¹⁵, а также нашла отражение в работах по проблемам этнографии общения и этикету; эта тема особенно детально разработана на адыгском, дагестанском и ногайском материале¹⁶. Тома серии «Народы и культуры», посвященные народам Кавказа («Народы Дагестана», «Абхазы», «Армяне» «Чеченцы», «Осетины», «Ингуши», «Грузины»), также содержат разделы по обрядности детского цикла и традициям воспитания.

Этнографии детства и традициям воспитания посвящены работы С.Х. Мафедзева¹⁷, Л.К. Гостиевой¹⁸, М.К. Мусаевой¹⁹, Н.Д. Пчелинцевой²⁰, С.А. Дбар²¹, О.В. Маана²², Л.Т. Соловьевой²³, М.С. Муцулханова²⁴ и др.

---

¹⁵ Мафедзев С.А. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991; Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995; Бесаева Т.З., Дзугцев Х.В. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994; Гуртуева М.Б. Этнопедагогика кабардино-балкарского народа (в связи с общностью традиционных педагогических культур народов Северного Кавказа). Нальчик, 1997; Куштерова Ф.Т. Воспитание семьянина в народной педагогике карачаевцев (Историко-монографическое исследование). Ставрополь: КЧГУ, 2000; Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006; Она же. Этнография детства народов Дагестана (традиции Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала, 2007 и др.

¹⁶ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Он же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983; Лугуев С.А. Традиционные формы культуры поведения и этикет народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2001; Он же. Культура поведения и этикет дагестанцев: XIX – начало XX века. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006; Он же. Традиционные нормы межличностного и группового общения народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2007; Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX века. Махачкала, 2005; Она же. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007 и др.

¹⁷ Мафедзев С.Х. Адыгские подвижные игры для детей // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981; Он же. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979; Он же. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984 и др.

¹⁸ Гостиева Л.К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX – начале XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

¹⁹ М.К. Мусаева, помимо двух указанных выше монографий, автор большого числа статей, где рассматриваются различные аспекты этнографии детства дагестанских народов, а также анализируются теоретические аспекты этой проблемы: Мусаева М.К. Традиционный ритуал первой стрижки волос в детском цикле обрядов народов Нагорного Дагестана // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений: Этнология, история, археология, культурология. 2006-2007. СПб., 2007. С. 164-165; Она же. Привитие бойцовских качеств как компонент традиционной культуры воспитания в Дагестане // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп Южного Федерального округа: Традиции и современность. Краснодар: Пресс-Имидж, 2008-2009; Она же. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 201-210; Она же. Выбор имени новорожденному: традиции и представления народов Дагестана в XIX – начале XX века // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 5. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; ООО «Динэм», 2011. С. 127-132; Она же. Гигиена детей в контексте традиционной этнографии народов Дагестана // Сборник кратких содержания докладов Международной научной конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2011. С. 470-471; Она же. Игры в традиционной культуре народов Дагестана // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 65–78; и др.

²⁰ Пчелинцева Н.Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // ПИИЭ. 1983 г. М., 1987. С. 38-44; Она же. Обычаи и обряды детского цикла у азербайджанцев: традиции и современность // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 101-124; Она же. Социализация детей и подростков в современной сельской азербайджанской семье // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 233-247; Она же. Религиозно-магическая обрядность детского цикла у азербайджанцев // Расы и народы. М., 2005. Вып. 31. С. 84-98 и др.

²¹ Дбар С.А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы // СЭ. 1985. № 1; Она же. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.

²² Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX в.). Сухум, 2003.

²³ Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин // КЭС. Вып. VIII. М.: Наука, 1984. С. 167–185; Она же. Материалы к изучению похоронно-поминальной обрядности грузин: Похороны ребенка // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. Она же. Обряды детского цикла у аварцев // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 175-193; Она же. Особенности женского воспитания в традиционной культуре грузин: «мастерицы» в селениях Восточной Грузии // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. Т. 2. М.: ИЭА РАН,

Значительное внимание уделяется исследованию игровой культуры народов Кавказа, в частности, большой научный и практический интерес имеют работы М. Дибирова, Ф.А. Агапова, К.У. Тайсаева, М.Г. Мусаева и др.²⁵

Востребованностью и актуальностью этнопедагогической тематики объясняется значительное число диссертационных исследований и публикаций на эту тему²⁶.

Для современного периода очевиден большой интерес научного сообщества к разработке разнообразных проблем мира детства. Как справедливо отметил И.С. Кон, «история детства в России стала реальностью и развивается в тесной связи с международными исследованиями в этой области знания»²⁷. Об этом свидетельствует актуальная тематика публикаций и многочисленных конференций, посвященных различным аспектам этнографии и истории детства, проведенных в последние годы²⁸.

Переходя к обзору публикаций, которые содержат важные конкретные сведения по традициям воспитания у чеченцев и которые мы использовали при написании данного диссертационного исследования, следует отметить их разнообразие: это и записки путешественников, в разное время побывавших на Кавказе и преследовавших различные цели и задачи; это и разнообразные публикации чиновников, учителей, служащих и т.д., опубликованные в местной прессе и различных серийных изданиях. К последним относятся «Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский календарь», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В помещенных в этих изданиях

2011. С. 140–144; Она же. Представления о внешней красоте и физическом развитии ребенка у грузин и народные традиции ухода за младенцем // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч.: Ч. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 414–433.

²⁴ Муцулханов М.С. Трудовое воспитание школьников Дагестана в середине 70-х гг. – первой половине 80-х гг.: опыт и проблемы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1992.

²⁵ Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. М., 1968; Он же. Дагестанская народная физическая культура: опыт историко-этнографического исследования. Махачкала, 1975; Агапов Ф.А. Физкультура и спорт у горских народов Северного Кавказа. Махачкала, 1971; Тайсаев К.У. Самобытные физические упражнения народов Северного Кавказа. М., 1994; Тайсаев К.У. Традиционные и современные игры народов Северного Кавказа. М., 1994; Он же. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 2 (11); Он же. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. М., 2001; Мусаев М.Г. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008, и др.

²⁶ Алиева Б.Ш. Система семейного воспитания народов Дагестана: эволюция, современность и перспективы. Пятигорск: ПГЛУ, 2006; Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик, 2002; Аргуянова А.Б. Карачаевский этикет как средство воспитания и социализации детей в семье. Дис. ...канд. пед. наук. Карачаевск, 2004; Боднева Н.А. Содержание и формы семейного воспитания в Терском казачестве: история и современность. Пятигорск: ПГЛУ, 2008; Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. Владикавказ, 2003; Магомедов А.М. Этнопедагогическая культура Дагестана. Махачкала, 2005; Он же. Золотые правила народной педагогики Дагестана: этнографическое наследие горцев Северного Кавказа. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2010; Мирзоев И.А. Народная педагогика Дагестана. Махачкала, 1992; Урусова Л.Х. Женское воспитание в адыгской этнопедагогике: Традиции и современность. Нальчик: Тетраграф, 2012, и др.

²⁷ Кон И.С. От истории детства к истории девочек и мальчиков: гендерные аспекты в осмыслении теории Ф. Арьеса // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М., 2012. С. 33.

²⁸ Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства /сост. Е.В. Кулешов, И.Э. Антипова. М., 2003; Детский фольклор и культура детства: XIII Виноградовские чтения: Материалы научной конф. СПб.: СПбГУКИ, 2006; Детство в глобальном информационном пространстве: Материалы Международной конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007; Детство в контексте культуры и образования: Материалы X Международной конф. «Ребенок в современном мире. Культура и детство». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003; Детство и «Открытое общество»: Философские и культурологические аспекты: VI Международная конф. «Ребенок в современном мире». СПб.: РГПУ, 1999, и др.

публикациях можно встретить разнообразные историко-этнографические и фольклорные материалы по разным регионам Кавказа, в том числе и по Чечне, сведения о нравах, обычаях, нормах воспитания, поведения и т.д. Ценный фактический материал по теме работы был почерпнут из работ дореволюционных исследователей-кавказоведов, особенно С.М. Броневского, Н. Данилевского, У. Лаудаева, А.Н. Лилова, Н.Н. Харузина, Н.Ф. Дубровина, М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и др.²⁹

Наиболее ранние известия о чеченцах мы находим в работе А.М. Шегрена³⁰. Работы П.Г. Буткова³¹ и С.М. Броневского³² ценны для нас тем, что написаны на основании материалов, собранных на Кавказе непосредственно самими авторами. В этих работах приводятся интересные сведения о чеченцах, их быте, обычаях, некоторые материалы о воспитании и др. Вместе с тем их труды не лишены недостатков и требуют к себе критического подхода.

Находясь по долгу службы на Кавказе, А.Л. Зиссерман³³, М.Я. Ольшевский³⁴, К. Самойлов³⁵ и др. зафиксировали интересные и в значительной степени достоверные факты относительно быта, нравов, обычаев, семейных взаимоотношений, положения женщины, воспитания, нравственности и т.п. у горцев, в том числе и у чеченцев. Одной из первых солидных работ историко-этнографического характера о чеченцах стал труд А.П. Берже³⁶. Поскольку автор был официальным военным историком, то именно с позиций военного обозревателя им и написана работа, хотя в ней и использовано довольно большое количество разнообразных архивных материалов и данных непосредственного наблюдения (о семье, воспитании, обычаях, власти главы семьи и его роли и др.). Как и другие работы того периода, сочинение А.П. Берже страдает определенной односторонностью, отсутствием объективного анализа некоторых наблюдений, стремлением оправдать политику царизма в отношении горцев и т.п. В целом же работа содержит важные и для современного исследователя сведения, но при условии их критического использования.

---

²⁹ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, сделанные Семеном Броневским. Ч. 2. М., 1823; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1851; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872; Лилов А.Н. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. III. Тифлис, 1897; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3; Он же: По горам Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. V. Кн. 10; Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. I. М., 1886; Он же: Закон и обычай на Кавказе. Т. I-II. М., 1890; Леонтович Н.Ф. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882-1883 и др.

³⁰ Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и его соплеменников в разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

³¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб., 1869. Ч.1-3.

³² Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1-2.

³³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879.

³⁴ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1856 г. // Русская старина. 1983. Т. 79.

³⁵ Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. М., 1855. Кн. 9-10.

³⁶ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1895.

Работа Н. Семенова³⁷ ценна тем, что в ней нашли отражение разнообразные стороны семейной и хозяйственной жизни чеченцев, их нравы и обычаи, нормы воспитания и др. В своих историко-этнографических очерках И. Попов также освещает вопросы истории, этнографии, жизни и быта чеченцев, делает попытку исследовать важные вопросы их происхождения. Его работы ценны сведениями, собранными непосредственным наблюдателем за жизнью и бытом чеченцев³⁸.

Значительную роль в процессе становления этнографической науки в конце XIX в. сыграла заинтересованность ученых в изучении особенностей культуры и быта народов Кавказа. Этот интерес особенно усилился со второй половины XIX в., в частности, после окончания Кавказской войны. Так, известные исследователи М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер внесли значительный вклад в становление кавказоведения, сыграли большую роль в усилении и развитии интереса к этнографии народов Кавказа, в том числе и к чеченцам. Ценный этнографический материал содержится в фундаментальном труде Н.Ф. Дубровина, который в значительной степени является обобщением большого количества публикаций в различных периодических изданиях, где также затронуты вопросы воспитания подрастающего поколения³⁹.

Одним из первых историков-этнографов, выходцев из числа коренного населения Чечни, был чеченец У. Лаудаев⁴⁰. Им была написана работа, где содержатся богатые исторические, фольклорные, а также лингвистические материалы, цель которых – осветить историческое прошлое чеченского народа. Его работа при некоторых своих недочетах также имеет важное значение для исследователей-кавказоведов.

В дореволюционной кавказоведческой литературе вопросы воспитания детей, детских игр, игрушек и другие вопросы затрагивались в основном попутно, при рассмотрении общих проблем культуры и быта народа. Специальных работ, посвященных этим темам, было немного⁴¹.

В XX в. в работах советских, а затем и российских ученых-кавказоведов проблема традиционного воспитания получила дальнейшее развитие. Среди первых работ советских авторов по новой методике этнографического исследования (в том числе и по вопросам исследования проблем семьи, семейного быта, воспитания у народов Кавказа) следует назвать программу сбора этнографических сведений Г.Ф. Чурсина⁴², явившуюся одной из

---

³⁷ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1859.

³⁸ Попов И. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. 1870. Вып. 4; Он же. Ичкеринцы // ССТО. 1878. Вып. 1.

³⁹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1, кн. 1. СПб., 1871.

⁴⁰ Лаудаев У. Чеченское племя // СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып. 6.

⁴¹ Покровский Е.Н. Детские игры, преимущественно русские. М., 1895; Покровский Е.Н. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884; Гулисов З. Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5.

⁴² Чурсин Г.Ф. Программа для собирания этнографических сведений. Баку, 1929.

первых подобных программ советского времени. В ней ученый специально обращал внимание на важность изучения обрядов и обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей.

Интересные и ценные сведения по вопросам, связанным с изучаемой темой, содержатся в работах Д. Шерипова⁴³, А.К. Вильямса⁴⁴, А.И. Краснова⁴⁵ и др. Имеются и другие работы, где затрагиваются, наряду с другими, проблемы детской обрядности и воспитания ребенка в чеченской семье. Это работы М.О. Косвена⁴⁶, В.Дж. Итонишвили⁴⁷, Я.С. Смирновой, Л.Б. Заседателевой⁴⁸.

Ученые-этнографы, особенно кавказоведы, внесли значительный вклад в изучение традиционных форм воспитания детей, восполнив пробел в этой отрасли историко-этнографической науки.

В освещение отдельных аспектов рассматриваемой нами проблемы полезный вклад внесли своими исследованиями известные ученые, этнографы и педагоги: Ш.М.-Х. Арсалиев, который в своих монографиях дает анализ традиционной национальной системы воспитания чеченцев, а в работе «Национальная культура вайнахов и подготовка учителя начальной школы»⁴⁹ представляет этнопедагогические технологии в подготовке чеченского учителя. В работе «Этнопедагогическое наследие чеченцев»⁵⁰ автор исследует этнографическое наследие чеченцев в историко-теоретическом отношении; в монографии «Этнопедагогика чеченцев»⁵¹ освещает педагогический опыт, воспитательно-образовательный потенциал этнопедагогики чеченского народа. Изучением этнопедагогики чеченцев посвящены также и работы других авторов.

В обобщающих трудах «Основы этнографии»⁵², «История народов Северного Кавказа»⁵³, «История и культура вайнахов»⁵⁴, «История Чечни (XIX в.)»⁵⁵, «Чеченцы. История и современность»⁵⁶ и др. также нашли отражение некоторые аспекты рассматриваемой нами проблемы.

---

⁴³ Шерипов Д. Очерк о Чечне. Грозный, 1929.

⁴⁴ Вильямс А.К. Географический очерк Ингушетии. Владикавказ, 1929.

⁴⁵ Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.

⁴⁶ Косвен М.О. История и этнография Кавказа. М., 1961.

⁴⁷ Итонишвили В.Дж. Семейный быт горцев Центрального Кавказа // КЭС. Тбилиси, 1968.

⁴⁸ Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988; Она же: Традиционная и современная свадебная обрядность населения Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

⁴⁹ Арсалиев Ш.М.-Х. Национальная культура вайнахов и подготовка учителя национальной школы. М., 1996.

⁵⁰ Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев. М., 1998.

⁵¹ Арсалиев Ш.М.-Х. Роль этнопедагогики в воспитании чеченской семьи // Европа и Дагестан. М., 1995.

⁵² Основы этнографии / под ред. В.В. Пименова, Г.Е. Маркова. М., 2000.

⁵³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. акад. А.Л. Нарочницкого, Б.Б. Пиотовского. М., 1988.

⁵⁴ Осмаев М., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М., 2003.

⁵⁵ История Чечни (XIX в.) / под ред. Ш.Б. Ахмадова, Я.З. Ахмадова, В.А. Асталова, А.Н. Хасбулатова. Грозный, 2007.

⁵⁶ Чеченцы: История и современность / под ред. Ю.Ш. Айдаева. М., 1996.

Этнографическое изучение различных вопросов культуры воспитания у чеченцев проводилось в основном автором данного диссертационного исследования, результатом чего стали несколько монографий и значительное число статей⁵⁷. Некоторые аспекты детской обрядности чеченцев нашли отражение в работах историков, лингвистов, этнографов: И.Ю. Алироева⁵⁸, С.-М.А. Хасиева и З.А. Мадаевой⁵⁹, З. Берсановой⁶⁰, А.Г. Мациева⁶¹, Д.Д. Межидова⁶² и др. Отметим также работы известного специалиста-этнографа Я.В. Чеснова, отличающиеся своим оригинальным философским подходом к осмыслению проблем детства⁶³.

Представленный обзор литературы свидетельствует, что российские этнографы провели значительную работу по исследованию традиционных форм воспитания детей у народов Кавказа. Затрагивались ими наряду с другими и проблемы воспитания детей у чеченцев. Но цельного, всестороннего, комплексного исследования данной проблемы создано не было, традиционные нормы воспитания детей у чеченцев оставались недостаточно изученными. Представленная диссертационная работа позволяет восполнить пробелы в изучении этнографии детства чеченского народа, с максимальной полнотой и детальностью описать и проанализировать с последовательных научных позиций и с учетом всех имеющихся источников и специальных исследований тот комплекс обычаев, традиций, представлений, который можно определить как традиционную культуру воспитания.

Источниковая база исследования. Степень достоверности результатов представленного исследования определяется широким кругом источников, на которых

---

⁵⁷ Хасбулатова З.И. Нравственная культура чеченцев «Гиллакх-обздангалла». Назрань, 2007.; Она же. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007; Она же. Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012 (в соавт.); Она же. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67–92 и др.; Она же. Из опыта народной педагогики вайнахов в XIX - нач. XX в. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 104-112; Она же. О народных приемах воспитания здорового ребенка у чеченцев. // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992; Она же. Этнография детства чеченцев в XIX - начале XX в. // Вестник Академии наук ЧР. № 3. С. 91-100; Она же. Искусство воспитания в чеченской семье в XIX-XXвв (по этнографическим материалам) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 3. Пятигорск, 2012. С. 37-44 и др.

⁵⁸ Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990; Он же. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). Грозный, 1990; Он же. Историко-этнографические аспекты изучения традиционной культуры вайнахов. М., 1993; Он же. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994 и др.

⁵⁹ Хасиев С.-М.А. О некоторых древних чеченских оберегах: к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов // АЭС. Грозный, 1969. Вып. 3. Мадаева З.А. Магия в системе религиозных верований вайнахов // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990; Она же. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990.

⁶⁰ Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999; Она же (в соавт. С З.И. Хасбулатовой). Роль игры в традиционной системе воспитания у чеченцев // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011, и др.

⁶¹ Мациев А.Г. Чеченские народные пословицы. Грозный, 1964.

⁶² Межидов Д.Д. Мудрость обычая (обычаи, традиции вайнахов). Грозный, 1989.

⁶³ Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // ЭО. 1994. № 5. С. 34-44; Он же. Потенциал согласия в психологии чеченцев // Открытая политика. М., 1996. № 9/10; Он же. Чеченская культура детства // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 143-174; Он же. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999 и др.

оно основывается. В работе использованы три группы источников: полевые этнографические материалы автора, архивные документы и литературные источники.

Важнейшими и основополагающими источниками данной работы стали полевые материалы, которые автор собирала в течение многих лет (1975–2010 гг.) во многих сельских районах Чечни и Ингушетии, а также в других республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), работая в составе Северо-Кавказской историко-этнографической экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ (руководитель проф. Л.Б. Заседателева), а также в составе историко-этнографической экспедиции Научно-исследовательского института истории, социологии и филологии (руководитель З.И. Хасбулатова). Полевые материалы собирались автором и во время самостоятельных выездов в различные районы Северного Кавказа. Сбор материала проводился главным образом путем опроса информантов старшего поколения, хорошо знающих традиции и обычаи, семейный и общественный быт чеченцев. Опрос велся как в форме индивидуальных, так и коллективных бесед и интервью (стандартизированных и нестандартных). Работа по сбору полевых материалов проводилась как в ходе маршрутных экспедиций, так и методом стационарной работы. Собранные этнографические материалы дали возможность получить данные для достаточно полной и детальной характеристики исследуемых обычаев, обрядов и традиций, связанных с воспитанием детей у чеченцев. В полученных нами полевых этнографических материалах содержатся значительные и ценные, а нередко и уникальные сведения, охватывающие в той или иной степени почти все вопросы нашего исследования. В ряде случаев полевой материал является единственным источником в связи с отсутствием в имеющейся литературе соответствующих сведений. По изучаемой проблеме нами опрошено более 300 человек, в основном людей старшего возраста. Полевой материал автор собирала по собственному специально разработанному вопроснику. Интервью проводились как с отдельными рассказчиками, так и с группами информантов. В качестве сравнительного материала использованы полевые материалы автора, собранные во время этнографических экспедиций 1975–1992 гг. на территории Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Другая важная группа источников нашего исследования – архивные материалы, которые были выявлены и собраны как в центральных, так и в местных документохранилищах. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва) были использованы фонды 1300, 482, 400, 412, ВУА (Военно-ученый архив). Еще одно важное для нашей темы архивохранилище – Центральный государственный исторический архив (ЦГИА, г. Санкт-Петербург). Материалы этого

собрания документов, интересовавшие нас, разбросаны по разным фондам (фонды 573, 1284, 1290 и др.). Они дают возможность охарактеризовать сельскую общину чеченцев, ее функции, взаимоотношения в семье, нормы поведения, вопросы воспитания и др. Также были использованы материалы архивов Северной Осетии – Алании (г. Владикавказ) и Чеченской Республики (г. Грозный).

Большое значение для нашей темы имели и литературные источники. По характеру эти источники разнообразны: это и записки путешественников, которые в разное время были на Кавказе и преследовали разные цели и задачи, и статьи местных авторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно является первым опытом комплексного историко-этнографического изучения традиционной культуры воспитания, выработанной чеченским народом на протяжении веков и представленной в работе во всех ее структурных частях и компонентах. Впервые так полно и детально представлена характеристика традиций, представлений, обычаев и обрядов, связанных с рождением детей, системой охраны здоровья матери и ребенка, с приобщением ребенка к семейному, родственному, общинному коллективу, сферой игровой культуры, нормами физического, трудового, нравственного, эстетического воспитания. Это стало возможным в результате того, что исследование основывается на широком круге источников – литературных, архивных, полевых. Следует отметить, что главным образом исследование базируется на оригинальных, а порой и уникальных полевых материалах, собранных автором во всех регионах Чечни, которые впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая значимость исследования. Изучение различных этнических вариантов культуры воспитания, специфики процессов социализации в стадийно и хронологически различающихся обществах представляет значительный теоретический интерес для этнографической науки. Исследование обычаев и обрядов детского цикла, многообразных связанных с ними представлений и норм дает возможность охватить широкий круг проблем, анализ которых может способствовать не только выявлению этнических и региональных особенностей процесса социализации детей и подростков, но и делает более полным наше представление об особенностях мировоззрения и религиозных верований народа, его духовной и материальной культуры. Представленное диссертационное исследование, посвященное изучению культуры детства в традиционном чеченском обществе, не только закрывает имевшуюся в области этнографии детства лауну, но имеет также большое теоретическое значение для кавказоведения в целом, поскольку позволяет более четко осознать закономерности и особенности социализации, характерные не только для чеченского народа, но и для Кавказского региона в целом. Территория расселения чеченского народа является как бы мостом между Южным и

Северным Кавказом, между Дагестаном и другими областями Северного Кавказа, между высокогорьем Главного Кавказского хребта и степными просторами; так же и традиционно-бытовая культура чеченцев содержит элементы, которые сближают ее и с горными группами грузин, и с соседними дагестанскими народами, и с народами предгорий и степей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в ней материалы и выводы могут быть применены в самых разных сферах деятельности.

Материалы и выводы диссертационного исследования можно использовать как при написании конкретно-исторических работ, так и при создании обобщающих историко-этнографических трудов по всему Кавказскому региону, а в качестве сравнительных данных сведения, почерпнутые из этого исследования, могут быть полезны специалистам, занимающимся и весьма отдаленными областями мира. Непосредственное практическое применение материалы этого исследования найдут в курсах по этнопедагогике, истории и этнографии региона, в лекционных курсах кросскультурной направленности, в изданиях научно-популярного характера. Следует отметить, что автор данного диссертационного исследования уже долгие годы использует материалы, нашедшие здесь отражение, в своих лекциях для студентов различных вузов Чеченской Республики.

На защиту выносятся следующие научные положения:

– Культура воспитания – это комплекс традиций, представлений, обрядов, обычаев, норм поведения, совокупность механизмов и институтов социализации, средств, методов и способов воспитания, эмпирических педагогических взглядов и воззрений, направленных на воспитание подрастающего поколения, обеспечивающих усвоение ребенком определенной системы знаний, норм и ценностей, что позволяет ему войти в структуру данного общества и функционировать в качестве полноправного члена общества. Особенности культуры воспитания каждого народа определяются спецификой характерных для него обрядовых комплексов, нормативных представлений и взглядов на средства и методы воспитания, выработанных в течение многих веков.

– В традициях, обычаях, представлениях чеченского народа, связанных с рождением детей, нашла отражение кровная заинтересованность семьи, родственного коллектива, сельского сообщества в рождении детей, в продолжении рода, в воспитании физически и умственно полноценного ребенка, в существовании многодетных семей. Для общественного мнения традиционного чеченского общества было характерно отношение к бездетности как к величайшему несчастью, что определило длительное существование комплекса обрядов, ритуалов, рациональных и иррациональных методов лечения бесплодия. Свойственный чеченскому обществу «детоцентризм», высокая степень

значимости подрастающего поколения для социальных групп разного уровня проявились в нормах и традициях, предписывавших обязательность вступления в брак, в зависимости статуса женщины от наличия у нее детей, главным образом сыновей – продолжателей рода.

– Представленные в исследовании материалы свидетельствуют, что особое внимание проявлялось к женщине в период беременности, а также в послеродовой период – к матери и новорожденному, в силу совершенно правомерных народных представлений, что именно в это время требуется обеспечить для них необходимый уход, полноценный режим питания, спокойную обстановку, защитить от реальных опасностей и воздействия всевозможных сверхъестественных «злых сил», что достигалось как рациональными, так и иррациональными методами.

– Опираясь в первую очередь на анализ собранных нами полевых материалов, можно утверждать, что наибольшая концентрация обрядов детского цикла приходилась на ранний, можно сказать младенческий, период развития ребенка, когда выполнением того или иного обряда отмечались этапы его развития – как биологического, так и социального (первое купание, кормление, укладывание в колыбель, наречение именем, первая стрижка волос и ногтей, первый шаг и т.д.). Многие из этих обрядов включали определенные магические действия, относящиеся к «магии счастливого начала» – поскольку, по народным представлениям, хорошее, счастливое начало обеспечивало такое же продолжение.

– Анализ обрядового комплекса чеченцев, связанного с приемами лечения бесплодия, с периодом беременности и с периодом младенчества, свидетельствует о его значительной древности и консервативности. В его основе в большинстве случаев лежат древнейшие религиозные верования и представления, которые нередко можно проследить только в этой сфере духовной культуры, – в силу ее интимности, удаленности от внешних влияний и принадлежности к более консервативному женскому пространству народной культуры.

– Собранные нами полевые материалы подтверждают, что в чеченском обществе существовали богатые традиции лечения различных болезней и травм методами народной медицины. Особым разнообразием отличался арсенал средств лечения детских болезней, которые характеризовались сочетанием методов рациональных, основанных на эмпирическом опыте врачевания, и методов иррациональных, основанных на представлениях о возникновении тех или иных недугов под влиянием действия различных «нечистых сил».

– Воспитание ребенка в традиционном чеченском обществе носило комплексный характер и было направлено на его всестороннее развитие, на передачу ему необходимого для будущей жизни хозяйственного, социального, коммуникативного, культурного, нравственного, эстетического опыта. Свойственная чеченскому обществу культура воспитания обеспечивала успешную, всестороннюю социализацию подрастающего поколения, подготовку полноценных, физически развитых и морально зрелых для своего времени молодых людей.

– Традиционная чеченская культура воспитания главное место в социализации подрастающего поколения отводила семейному коллективу (при учете особенностей малой и большой семьи), тем не менее для изучаемого нами периода наряду с этим существовали и традиционные формы общинной социализации.

– Как свидетельствуют материалы нашего исследования, стержнем и основой воспитания в чеченском обществе было трудовое воспитание. В трудовом воспитании существовали определенные возрастные этапы, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к людям труда, представления о значимости в семейной и общественной жизни труда земледельца, животновода, ремесленника. Фактически частью трудового воспитания была передача подрастающему поколению экологических знаний, необходимых как для успешной трудовой деятельности, так и для поддержания гармоничного взаимодействия с окружающей средой.

– Значительная роль в воспитании подрастающего поколения в чеченском обществе отводилась разнообразным играм и развлечениям, которые были направлены на физическое, умственное, нравственное воспитание детей и подростков, а также имели важные общественные функции. Детские игры и игрушки по своему характеру, целям и задачам делились на несколько групп: игры, способствующие приобретению навыков трудолюбия; игры, помогающие детям стать ловкими, быстрыми; игры, способствующие умственному развитию детей и приобретению определенных нравственных качеств.

– Материалы нашего исследования свидетельствуют, что для традиционной культуры воспитания чеченцев была характерна значительная гендерная составляющая. Доминантное положение мужского начала имело и символическое выражение: это и различное отношение в семье и обществе к рождению мальчика и девочки, и обусловленные полом ребенка отличия в проведении тех или иных детских обрядов, некоторые особенности этикетных норм и т.д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что

отмеченные гендерные различия, отчетливо выраженная дихотомия мужского и женского начала, свойственная большинству кавказских народов, не свидетельствовали в большинстве случаев о гендерном неравенстве в чеченском обществе. Они были направлены прежде всего на четкое разделение мужского и женского пространства чеченской культуры, на сохранение половозрастной иерархии и внутренней упорядоченности семейной и общественной жизни, на формирование символов и моделей мужского и женского поведения. В отношении чеченской культуры можно говорить не о противопоставлении, а о взаимодействии, взаимодополняемости мужского и женского миров, формировавших благодаря этому жизнеспособную общественную модель.

– Нравственное воспитание подрастающего поколения осознавалось традиционным чеченским обществом как первоочередная задача семьи, родственного коллектива, всего общества в целом. Об этом свидетельствуют и различные памятники устного народного творчества (пословицы, предания, героические поэмы «илли» и т.д.), отразившие народные установки на обязательность усвоения подрастающим поколением общественно признанных и одобряемых норм поведения. Традиционный этикет регламентировал поведение всех членов общества в зависимости от пола, возраста, семейного и общественного положения.

– Материалы нашего исследования доказывают, что для чеченского общества были характерны в основном гуманные способы и методы воспитания, такие как разъяснение, совет, объяснение, похвала, поощрение, одобрение, а также убеждение, назидание, осуждение и т.д. Передача культурных и социальных ценностей подрастающему поколению на уровне семьи осуществлялась в основном благодаря наблюдению самих детей за атмосферой жизни семьи, посильному участию с раннего возраста в ее хозяйственно-бытовой деятельности.

– Всесторонний анализ традиционной культуры воспитания, функционировавшей в чеченском обществе в XIX – начале XX в., свидетельствует, что она представляла собой важную составную часть духовной культуры чеченского народа и располагала богатым арсеналом средств, методов, приемов воспитания подрастающего поколения. Традиционная культура воспитания чеченцев обеспечивала успешное усвоение представителями новых поколений того комплекса знаний, умений, навыков, этикетных норм, которые требовались для вхождения в социально-этническое пространство чеченского этноса. Нам представляется, что именно результативность традиционной культуры воспитания XIX – начала XX в. позволяет утверждать, что опыт прежних поколений должен быть учтен в современном чеченском обществе. Современное воспитание, устремленное в будущее, конечно, не может и не должно опираться только на

опыт прошлого. Но необходимо тщательно изучать опыт прошлого, осмысливать его уроки и учитывать их при построении современных образовательных стратегий.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследовательской работы изложены автором в трех монографиях (Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007; Нравственная культура «Гиллакх-оьздангалла» чеченцев в XIX – начале XX в. Грозный, 2007; Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012 – в соавт.), в разделах коллективных монографий (Чеченцы. М.: Наука, 2012; Очерки этнографии чеченцев и ингушей: Учебное пособие. Грозный, 1990 и др.), а также в статьях, опубликованных в научных сборниках и журналах. Итоги нашего исследования были представлены научному сообществу в виде докладов на Конгрессах этнографов и антропологов России, на международных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях (Всероссийская научная конференция «Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее». Махачкала, 2004 г.; Региональная научная конференция «Исторические связи народов Дагестана и Чечни», Махачкала, 2006 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство», посвященная 95-летию со дня рождения М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2009; Всероссийская научно-практическая конференция «Семья как элемент социальной сферы», Кизляр, 2009; Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» Тбилиси (Республика Грузия), 2009; IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001г.; X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2013 г., и др.).

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала), а также на заседании кафедры истории мировой культуры и музееведения Чеченского государственного университета (г. Грозный).

Структура диссертации определена объектом исследования, состоянием разработки темы, целью и задачами диссертационной работы. Она состоит из введения, 6 глав и 28 параграфов, заключения, библиографии, принятых в работе сокращений и приложения – списка информантов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи исследования, методология и методы исследования, степень разработанности темы,

основные выносимые на защиту положения, степень достоверности и апробация результатов.

ПЕРВАЯ ГЛАВА – «Рождение ребенка и период младенчества».

В первом параграфе освещаются вопросы, связанные с периодом беременности и родами. Комплекс обычаев и обрядов, связанных с этим периодом, имел одну основную цель – используя рациональный эмпирический опыт и различные магические приемы, обеспечить появление потомства. В прошлом очень многое, связанное с деторождением, воспринималось как нечто сверхъестественное и сопровождалось целым комплексом магических действий. Часть их была направлена на поддержание гигиены матери и ребенка, поддержание благоприятного психологического климата, на соблюдение особого пищевого режима. Но и те действия, которые имели иррациональный характер, преследовали ту же цель – иметь здоровое потомство. Период вынашивания ребенка сопровождается многочисленными запретами, которые женщина должна соблюдать, чтобы дитя не имело физических и моральных отклонений.

Во втором параграфе рассматриваются обычаи и обряды, связанные с послеродовым периодом. С наступлением родов женщина оказывалась как бы в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Многие родильные обряды чеченцев связаны с общей системой поверий и представлений, сложившихся еще в домусульманский и дохристианский периоды. Позднее (под влиянием христианства, а затем и ислама) эти представления претерпели существенные изменения. В некоторых родильных обрядах чеченцев отразился синкретизм религиозных представлений.

Лишенные квалифицированной медицинской помощи, женщины у чеченцев стремились помочь себе народными средствами, во многом сводившимися к различным религиозным и магическим воздействиям. Были известны и рациональные меры родовспоможения (массаж и т.д.), хранительницами которых выступали повитухи, повивальные бабки («бер схьа эцна зуда»). Умелые повитухи были уважаемы и почитаемы, они пользовались авторитетом в своем селении, а порой и в целом округе.

Женщины рожали стоя на коленях и опираясь на что-нибудь жесткое. Для облегчения родов делали массаж поясницы, а живот роженицы смазывали топленым маслом и тоже слегка массировали. Наиболее сложные магические приемы применяли при трудных затянувшихся родах. Так, приглашали домой мужа роженицы, заставляли его три раза переступить через жену, затем трижды стреляли во дворе из ружья; применяли окуривание дымом от рыбьих костей. По народным представлениям, это не только ускоряло роды, но и защищало от «нечистых сил», которые могли навредить роженице и ребенку. В комнате в качестве оберегов держали что-либо из золотых украшений, у входа

клали железные предметы, развязывали все узлы и раскрывали все, что было закрыто, в комнату приносили оружие (саблю или кинжал), были и другие способы и приемы, призванные способствовать родам и оберегать роженицу от «нечистых сил». Подобные обряды в рассматриваемое время существовали повсеместно на Кавказе, например, у народов Дагестана, адыгов, осетин, грузин, азербайджанцев и т.д.

Первое пеленание происходило через несколько дней после рождения, когда укладывали ребенка в подаренную родственниками матери колыбель («ага»), красиво убранную и снабженную всеми необходимыми для пеленания вещами. Также, в зависимости от экономического состояния родителей роженицы, дарили деньги, жеребца, телку, барана и т.д. Укладывание в люльку было одним из важных событий в жизни ребенка. Это поручали здоровой, молодой, жизнерадостной девушке, у которой были живы родители, или молодой женщине, имевшей благополучную семью. При этом выбирали один из дней недели, который считался «благоприятным». Таких, по поверьям чеченцев, было два – вторник («шинар») и четверг («еара»), хотя и говорили, что все дни недели даны богом («массо де Дела де ду»). Девушка должна была перед укладыванием совершить омовение, как перед намазом («ламаз эцар»), и уложить ребенка в первой половине дня. При этом событии присутствовали женщины (близкие, родственницы, соседки). На угощение варили кашу, пекли лепешки с начинкой из сыра («чIепалгаш»).

Примечательно, что чеченцы относились к люльке с большим почтением и уважением, поскольку она давала матери возможность, уложив ребенка, заниматься своими хозяйственными делами и даже в случае необходимости брать «ага» с собой в поле.

Ребенка в семье чеченца считали даром божьим, рождение ребенка связывали с благодатью, сошедшей на семью. В ознаменование этого счастливого события приносились пожертвования, раздавалась милостыня в соседние дома, а также в те дома, где еще не родился ребенок. В дом, где родился ребенок, в особый день – 9-й или на 11-й после рождения – приходили те женщины, которые не могли зачать; они приносили гостинцы для новорожденного. Состоятельные семьи в первую осень ребенка устраивали празднества: в разных районах Чечни по-разному праздновали рождение ребенка. Так, на Тереке это были скачки, а в остальных местах – застолья с песнями, шутками; там же происходило и обсуждение имени ребенка, девушки сочиняли красивые песни-притчи о будущем, призывая Солнце, Небо хранить ребенка. Проводилось жертвоприношение: в зависимости от состояния, резали скотину, а череп жертвы относили к родовому склепу и устанавливали, повернув к солнцу.

В период вынашивания ребенка обычно не акцентировали внимания на том, кого ждут – мальчика или девочку. Однако наиболее желанным для чеченца всегда было рождение мальчика, особенно сына – первенца, наследника. При рождении сына-первенца говорили: «Ворх1 вешин ваша хуьлийла» («Да будет он братом семи братьев»). Даже при рождении девочки высказывали пожелание, выражавшее мысль об «идеальной» семье: «Ворх1 вешин ийша хуьлийла» («Быть ей сестрой семи братьев»).

Все торопились поздравить родителей, за сообщение о рождении сына («кхаь баккар») полагался подарок: какая-то вещь, кусок материи, деньги, кинжал – в зависимости от достатка семьи и щедрости дарителей. По случаю рождения сына справляли праздник с обильным угощением и устраивали в честь мальчика «мовлад». Если мужчина становился отцом в солидном возрасте, особенно, когда у него рождался сын, праздник бывал особо торжественным и пышным. Устраивались скачки («говраш хахкар»), в которых участвовали жители нескольких селений. Победители получали призы: кинжал с поясом, бурку, ичиги, медный кувшин («ц1еста кьудал»).

Обряды и обычаи, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка, являлись показателем сохранения в конце XIX – начале XX в. более ранних ритуальных комплексов.

В третьем параграфе рассматривается комплекс мер, направленных на охрану здоровья матери и ребенка. По представлениям чеченцев, детей дает Бог («Дела»), и он же заботится о детях еще до их рождения. Чеченцы говорят: «Рицкъа Дала са кхуллаша кхулла, бер дуйне т1е далалий Дала яздо рицкъа» – «Бог заботится о ребенке еще до его появления на свет, все настоящее и будущее в жизни ребенка предопределено Богом и происходит по его воле».

В раннем возрасте ребенок часто подвергался заболеваниям. Чеченцы причину этого видели как в воздействии реальных факторов (холод, жара и т.д.), так и сверхъестественных, обычно представляемых в виде различных злых духов. При болезни, истинную причину которой могли определить (простуда, кашель и т.д.), ребенка обычно лечили рациональными способами: в первую очередь прогреванием, настоем различных трав, массажем, психотерапией и др.

Так как у чеченцев бытовало представление о том, что основной причиной заболевания детей являются «сглаз», порча или колдовство, то применяли множество профилактических мер. Чтобы избежать «сглаза», нельзя было хвалить достоинства ребенка – красоту, здоровье, поведение, не сплюнув трижды («туй тасар»). С этой же целью мазали сажей лоб ребенку, иногда на видном месте закалывали большую булавку, вешали бусинку – «ч1иж», на запястье повязывали красную или красную с голубой нити.

Причиной многих детских болезней, случавшихся летом, чеченцы вполне обоснованно считали перегревание. У грудного ребенка в летнюю пору нередко «западало» темечко, опухало небо, учащалось дыхание. Лечили это как рациональными средствами, так и иррациональными: на темечко накладывали черную овечью шерсть, смоченную в сыром яйце, ребенка купали в горячем отваре «солнечной травы», вырванной вместе с корнями, полыни, мяты, душицы с добавлением в воду куриного помета и чеснока. Смоченную в этом рубашку надевали на ребенка, а воду выливали на перекрестке дорог. В таком отваре ребенка купали и в случае поноса.

Приведенные материалы говорят о том, что традиционные приемы и способы лечения детских болезней – это характерное для народной медицины переплетение рациональных и иррациональных способов лечения. Тем не менее в большинстве случаев в лечении детских болезней и особенно в обычаях и обрядах, связанных с охраной ребенка, с предупреждением детской смертности, существенное место занимали различные магические действия и приемы, имевшие целью оградить младенца от влияния окружающих враждебных сил. Традиционный народный опыт в области охраны здоровья детей и лечения детских болезней отражает сложный комплекс религиозных представлений чеченского народа, синкретизм в сфере религиозных представлений, характерный для чеченцев того времени, и является важным компонентом духовной культуры народа.

Как показывают приведенные материалы, все амулеты, обереги, различные магические приемы, а также и разные способы лечения имели одну главную цель – сохранить жизнь ребенка. Это объяснялось во многом высокой детской смертностью в Чечне. Сохранение в быту чеченцев религиозно-магических обрядов, направленных на охрану жизни и здоровья ребенка, было обусловлено тем, что почти полностью отсутствовала профессиональная медицинская помощь. В настоящее время в некоторой степени возрождается лечение детских болезней народными средствами. В современных способах лечения детей сохранились религиозные представления и элементы лечебной магии, составлявшие в прошлом часть традиционной медицины. Приемы и способы лечения детских болезней, их профилактика не имели существенных отличий от способов лечения взрослого населения, лишь отдельные детали и более развитая обрядность придавали им определенное своеобразие.

В пятом параграфе представлены обряды и обычаи, связанные с начальным периодом жизни ребенка.

Важным моментом в послеродовой обрядности было наречение именем «цле тиллар», которое сопровождалась совершением обряда «мовлад дешар». Бытовало

народное мнение, что нередко от выбора того или иного имени зависит жизнь и судьба ребенка. У чеченцев, впрочем, как и у многих других народов Кавказа (ингушей, адыгов, карачаевцев, балкарцев и т.д.), родителям по обычаю не полагалось давать имя своему ребенку. Обычно это право предоставлялось старшим родственникам по отцовской линии; старшие родственники по материнской линии (дедушка и бабушка) могли дать имя внуку только с разрешения отцовской родни.

Иногда имя давал друг отца, деда или другого дорогого гостя. В целом, это было прерогативой особо уважаемых в общине людей. Таким образом, в рассматриваемое время родители, как было отмечено, почти никогда не давали имя сами. Не было какого-то четко установленного именника. При наречении именем дающий то или иное имя аргументировал его, что широко практиковалось и у других кавказских народов – ингушей, народов Дагестана. Чеченцы, как и другие народы Кавказа, следуя народным поверьям, старались дать ребенку такое имя, чтобы оно не только отпугивало «злых духов», но и принесло счастье его обладателю.

Первой стрижке (бритью) волос ребенка придавалось большое значение. Считали, что это способствует укреплению его здоровья, лучшему росту волос, прибавлению в весе и силе. Иногда мать хранила первые волосы до тех пор, пока ребенок не начинал говорить, а потом спрашивала: «Чей это волос?» Если ребенок отвечал, что это волосы козы или барана, то ему потом советовали держать этот скот.

Первая стрижка ногтей также сопровождалась выполнением определенных ритуалов. Стричь их поручали первенцу («чтобы ребенок стал умным»). Ногти никогда не выбрасывали, а клали в гармошку (чтобы ребенок быстро научился говорить), в Коран (чтобы вырос благочестивым), среди денег (чтобы всегда был при деньгах), а когда появились школы – в учебник; ноготки девочек клали в швейные машины или бросали в круг танца на свадьбе, чтобы хорошо танцевала, и т.д.

Большим событием в жизни ребенка и всей семьи было появление первого зуба. Бабушка по материнской линии первому заметившему зуб пекла лепешку с начинкой («хингал»), которая своим размером соответствовала росту ребенка. Чтобы лепешка не сломалась (что стало бы дурной приметой), ее помещали на специальное приспособление, заворачивали в белую ткань и отправляли по назначению. Бабушка («нена-нана») готовила подарки и виновнику события, а ее приезд становился большим семейным праздником. Такие же обычаи, связанные с событиями первых лет жизни ребенка, были известны и другим народам Кавказа.

Первые попытки ребенка начать ходить также не оставались без внимания. Чтобы «помочь» ребенку преодолеть страх перед падением, пекли бублики – «члургаш» и

прокатывали яйца или монеты между ног ребенка, а затем раздавали их другим детям («ч1ург карчадар»). Такое практикуется и до сих пор. Место, где упал ребенок, очерчивали трижды железным гвоздем в виде круга, а в точку падения вбивали тот же гвоздь, читали молитву. Изготавливали специальные приспособления, способствовавшие тому, чтобы ребенок передвигался без помощи взрослых. Традиционные предметы ухода за детьми, включая различные виды колыбелей, многообразные способы ношения, сопровождавшиеся коммуникативным взаимодействием взрослых с маленьким человеком, создавали основу для реализации главной задачи воспитания в этом возрасте – обеспечение комфорта, достижение эмоциональной близости ребенка со взрослыми членами семьи. Ощущая постоянную заботу взрослых, ребенок постепенно приходит к пониманию того, что он является частью большого мира. Это было первым шагом на пути формирования самосознания ребенка, закрепляющегося и поддерживающегося взрослыми посредством обрядов жизненного цикла, а также практикой приучения его к принятым гигиеническим нормам.

Основные возрастные этапы жизненного цикла (детство, юность, зрелость и старость) не имеют четких хронологических границ. Внутри периода детства выделяют две стадии: до и после начала обучения, граница между которыми приходится на 5–6 лет. Под обучением в данном случае подразумевается обучение правилам поведения в семье. Особенно это относилось к девочкам, для которых, в отличие от мальчиков, школ не было. Мальчики, помимо семьи, могли обучаться в медресе («хьуьжар»).

Переход от детства к юности приходился на 12–14 лет. Возраст совершеннолетия, когда человек уже имел право вступить в брак, наступал у чеченцев в 18–20 лет. Понятие старости связывалось с возрастанием мудрости. Вместе с тем чеченцы считают, что накопление мудрости имеет свои границы. Ее достигают в 67 лет, а далее начинается обратный процесс.

Умственное развитие ребенка, по представлениям чеченцев, происходит по мере осознания ребенком внешнего мира. Но проявлением «ума» и «знаний» считали тот период, когда дети начинали общаться со сверстниками, т.е. в 4–5 лет. Свободное общение друг с другом, освоение игр, придумывание новых забав и развлечений способствовали этому. Особое отношение у чеченцев к возрасту 5–6 лет, которому придается значение важного этапа в становлении умственных способностей ребенка («хьекъал къяста хан»).

Следующими рубежами в жизни ребенка были 6–8 и 10–12 лет. Именно в эти годы проявляется и усиливается различие в положении мальчиков и девочек. До 6–8 лет независимо от пола дети играли вместе, ограничения в общении между ними были

минимальны. Затем девочек начинали постепенно отделять, обособлять от мальчиков, удерживать дома, раньше мальчиков втягивать в трудовую жизнь семьи и т.д.

С 9 лет к мальчику уже предъявляли более серьезные требования: он оставлял многие игры, помогал, когда трапезничали мужчины и гости, говорил мало, должен был знать много песен, мелодий, танцевать, уметь взбираться бегом на гору, скакать на лошади и т.д. В этом возрасте воспитание мальчиков переходило к старшим мужчинам. Но в крестьянских семьях и мальчикам приходилось помогать в доме по хозяйству.

Воспитание детей у чеченцев носило семейно-общественный характер и имело свои особенности. Большое значение придавалось воспитанию в семье. Об этом свидетельствует бытующее до сей поры выражение: «Чохь ца хилла г1иллакх-обздангалла нахаца хир дац, я цунах дахума дац» («Если не воспитан в доме, то воспитанность не проявится и среди людей, и даже если проявится – не стоит ничего»).

С раннего возраста у ребенка вырабатывался определенный стереотип поведения в семье и обществе. Из отношений взрослых между собой, их разговоров, сказок, песен и самого бытового уклада он черпал то, что было нормой общения в семье, в ее взаимоотношениях с другими родственниками. Усваивались традиционно принятые в самой семье предписания, а их нарушение было чревато нанесением ущерба всем, с кем соединяли человека семейные узы. Так уже в раннем детстве закладывались духовно-психологические основы нравственной ориентации ребенка.

Чеченцы, как и другие народы мира, вырабатывали свои приемы, обычаи и обряды, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка. Они развивались путем регулярного повторения и передачи из поколения в поколение. Традиционная система воспитания детей у чеченцев складывалась под воздействием определенной хозяйственно-культурной деятельности, социальных отношений, бытового уклада, природной среды.

Обрядовый комплекс, связанный с рождением и воспитанием детей, сохранился у чеченцев в рассматриваемый период в довольно архаичном виде. Обряды и обычаи, связанные с воспитанием, сопровождались комплексом магических действий, основной целью которых было обеспечить благополучие ребенка. Они отражали древние представления об особой активности сверхъестественных сил в переломные моменты человеческой жизни. Рассмотренные в главе обычаи и обряды относятся к наиболее значительным, по народным представлениям, моментам в жизни женщины и ребенка и были направлены на то, чтобы обеспечить здоровье матери и нормальное развитие ребенка, по мере возможности облегчить его появление на свет, предохранить мать и ребенка от влияния враждебных сверхъестественных сил.

ВТОРАЯ ГЛАВА посвящена трудовому воспитанию и состоит из пяти параграфов.

Воспитание и обучение детей, забота о подготовке их к самостоятельной жизни являлись у чеченцев главным образом делом семьи («доьзал»). При этом основное внимание уделялось обучению детей навыкам хозяйственной и производственной деятельности. Условия жизни чеченской семьи были таковы, что труд и быт оказывались слиты воедино. В силу этого ребенок постоянно находился рядом с родителями, изо дня в день видел, как строилась повседневная жизнь семьи, чем занимались родители и родственники.

Воспитание было непрерывным процессом в жизни. Дети постоянно видели своих родителей и других членов семьи работающими, что-либо делающими. Чеченцы всегда и во все времена считали, что труд – это главное, что именно через труд формируются необходимые нравственные качества члена общества. О том, что чеченцы придавали большое значение подготовке детей к трудовой жизни, говорят и пословицы: «Нет ничего на свете, что доставалось бы без труда» (Къа ца хьогуш нисделла х1умма дац), «С ремеслом не пропадешь» (Корматал йолу стаг, вовр вац).

Готовя детей к трудовой жизни, родители разъясняли им, что «лучше сделать хотя бы что-нибудь, чем ничего не делать», «кто не научится в детстве работать, будет мучиться всю жизнь» (х1умма ца деш 1ачул, цхьаь дан деза), что «только труд приносит счастье в жизни» (белху деш ду ирс) и т.д. Подрастающему поколению, вступающему в жизнь, давали советы и наставления, напоминающие о необходимости жить своим трудом. В фольклоре чеченцев глубокое обобщение получила мысль, что только в труде человек обретает счастье, что полезен обществу тот, который трудится, что труд является важнейшим средством формирования в человеке лучших нравственных качеств: «Человек хорошеет только в труде», «Цена человека – его работа» (стега мах, цуьнна белху хада бо), «Человек почитается по результатам работы его рук» и др.

В первом параграфе рассматривается роль семьи и общества в воспитании. Основной формой семьи у чеченцев была малая индивидуальная семья, хотя бытовали в пережиточной форме и большие, неразделенные. В малых семьях, как и в больших, господствовал патриархальный уклад жизни, унаследованный от «неразделенной» семьи.

Следует отметить, что наряду с малыми семьями (в состав которых входили родители и дети) бытовали и семьи, где совместно с женатым сыном проживали оба родителя или один из них, а также и другие родственники. В таких семьях люди старшего возраста занимали наиболее почетное место. Авторитет людей старшего возраста в чеченских семьях зависел не только от возраста, но также и от многих других условий и обстоятельств.

Передачу жизненного и практического опыта, исторически сложившихся традиций, уровень которых соответствовал социально-экономическому и политическому развитию народа, следует считать одним из необходимых условий деятельности чеченского общества. Важным и существенным условием жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского, была передача жизненного опыта от старших к младшим, что происходило в основном именно в рамках семьи.

Условием правильного воспитания подрастающего поколения в семье считалось положение, когда родители (и другие старшие члены семьи) служили для своих и чужих детей примером подражания во всем. Нравственная и этическая воспитанность взрослых членов семьи оказывала благотворное влияние на детей. Важным условием правильного воспитания признавалось наличие в семье согласия между родителями и другими членами семьи. Обычай запрещал отцу (мужу) ругать мать (жену) при детях.

Дети были участниками всех событий в жизни семьи, при этом родители следили за соблюдением ими правил поведения, соответствующих тем или иным ситуациям, поскольку по поведению судили о воспитанности и порядочности человека. Положительное влияние на воспитание у детей лучших нравственных качеств оказывал обычай гостеприимства. К гостю проявляли большое внимание, он был уважаемым лицом в каждом доме и в каждой семье. Правила приема гостя были определены народной традицией. Они возлагали определенные обязанности не только на взрослых, но и на детей. Мальчики должны были встречать гостя у ворот, обращаться к нему с соответствующим приветствием, помогали сойти с коня, провожали в дом, принимали верхнюю одежду, выполняли просьбы и поручения гостя. Все это становилось своеобразной тренировкой вежливости и проверкой умения демонстрировать почтительное отношение к старшим. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться в разговор старших, громко смеяться в их присутствии.

Воспитательное влияние представителей старших поколений несколько различалось в малой и большой семье. В малой семье обязанности воспитания детей обычно возлагались в основном на мать, тогда как в расширенной или неразделенной семье круг воспитателей был шире. Но в малой семье женщина была более самостоятельной и многое делала по своему усмотрению, не согласовывая со старшими.

Примечательно, что в целом для чеченского общества был характерен широкий круг потенциальных воспитателей. Даже для ребенка, жившего в малой семье с родителями, воспитательное влияние ближних и дальних родственников было реальным фактором жизни. Следует отметить, что участие всех родственников в воспитании подрастающего

поколения, безусловно, не было равноценным: основная роль принадлежала матери, бабушке, затем отцу, деду, старшим братьям и сестрам.

Чеченцы основой воспитания детей в семье всегда считали родительскую любовь. Близость ребенка с матерью, особая материнская забота в первые годы жизни ребенка играли важную роль в эмоциональном, нравственном и умственном развитии ребенка. У чеченцев, как и у всех народов Кавказа, женщина-мать пользовалась большим авторитетом. О высоком культе матери и родственников по материнской линии говорят некоторые традиции и обычаи, которые сохранились до сегодняшнего дня. Это нашло отражение в фольклорных произведениях – в героико-эпических песнях, сказаниях и т.д.

Таким образом, семья, являясь важнейшим социальным институтом чеченского общества, играла основную роль в сохранении и передаче межпоколенного опыта и культурных ценностей.

Во втором параграфе дается анализ основных этапов трудового воспитания, в котором можно выделить возрастные этапы от 2–3 до 7–8 лет, от 7–8 до 15–16 лет, каждый из которых имеет свои конкретные задачи и цели. Первый этап – от 2–3 до 7–8 лет – соответствует первой ступени трудового воспитания, когда закладываются основы трудолюбия и вырабатываются соответствующие навыки. Основными средствами освоения последних было и есть подражание взрослым в процессе совместных игр девочек и мальчиков, что можно считать особенностью этого этапа воспитания.

У чеченцев дети до 5–6 лет, независимо от пола, объединялись в одну возрастную группу «маленькие дети» («кегий бераш»). Девочки и мальчики от 8 до 13 лет объединялись в возрастную группу «подростки» («кхиина девли бераш»). Они принимали участие в хозяйственной деятельности: в выпасе скота, обработке земли, в сенокошении и др.

С 5–6 лет практически начиналась трудовая направленность воспитания ребенка, но это не значит, что с этого возраста детей заставляли работать. Путем вовлечения ребенка в круг работ взрослых посредством небольших посильных нагрузок прививались трудовые навыки. Дети почти не подвергались физическим наказаниям и получали одобрение взрослых при выполнении какой-либо работы. Чеченцы говорили: «Бер хьаста деза, хьасто деза» («Ребенка надо похвалить, приласкать»).

В третьем параграфе рассматривается половозрастное разделение труда.

Мужчины, как правило, занимались трудовым воспитанием мальчиков, а женщины – девочек. Главная роль в трудовом воспитании мальчиков принадлежала дедам и отцам. Чеченцы воспитывали своих детей на тех же принципах, по которым жили сами. Безусловно, все воспитание детей было связано с привитием им трудовых навыков.

Чеченцы приучали своих детей к труду постепенно и основательно, что практически приводило к тому, что дети трудились по собственной воле.

Несмотря на доминирование мужских ролей в семье, все вопросы, связанные с детьми, родители решали вместе. Мать обычно была даже ближе детям, чем отец. Если сын или дочь (даже став взрослыми) хотели о чем-то попросить отца, то всегда обращались сначала к матери, а она передавала их просьбу отцу.

Особенностью воспитательных средств народной педагогики было то, что в чеченской среде процесс воспитания был тесно переплетен с реальной жизнедеятельностью семьи. Трудовая деятельность и сложившаяся система отношений в семье были испокон веков главным арсеналом воспитательных средств; воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности, традиции были непосредственно вплетены в процесс жизни.

Второй этап трудового воспитания (7–10, 15–16 лет) предусматривал вовлечение детей в непосредственную деятельность семьи. Воспитание мальчиков и девочек в этом возрасте происходило раздельно. На этом этапе большинство детей овладевали основными навыками почти во всех трудовых операциях, связанных с домашним хозяйством.

Все заботы женской половины были связаны с семьей и домашними делами: шитье, содержание в порядке одежды и обуви всех членов семьи, поддержание чистоты в доме, приготовление пищи, воспитание детей и т.д.

Отец с 7-летнего возраста брал сына на заготовку дров, чем занимались глубокой осенью, после окончания полевых работ. Мальчики примерно с 12 лет овладевали элементарными навыками ремесленного труда по обработке дерева и т.д. Из поколения в поколение передавались традиции кузнечного дела. Кузнецы работали в одиночку, поэтому роль помощника в большинстве случаев выполнял сын. К 15-ти годам мальчик начинал выступать в роли молотобойца, а в 17–20 лет становился настоящим кузнецом.

С 6–8 лет девочки вместе со своими матерями занимались обработкой шерсти, изготовлением из нее различных вещей. Это представляло собой долгий и трудоемкий процесс, состоявший из множества операций, требовавших большой сноровки и умения. Обработкой шерсти девочки занимались в свободное от других домашних занятий время, часто вечерами. Они помогали матерям в изготовлении бурок, войлока. Почти во всех операциях с шерстью, за исключением некоторых («тIарга къажбар» – расчесывание; «Iад тохар» – лущение, т.е. разрыхление шерсти путем натягивания и отпускания тетивы), принимали участие девочки 8–10 лет. Девочек в обязательном порядке обучали шитью.

Уже в 12 лет им поручали шить несложные вещи, показывали различные виды швов и т.д. К совершеннолетию девушка должна была уметь самостоятельно шить и кроить.

Девочки учились у старших домашнему труду – стирать, убирать помещения, месить тесто, печь хлеб, готовить пищу, шить, вышивать и т.д. Одновременно девочки являлись помощницами матери по уходу за маленькими детьми. Когда матери укладывали малышей в люльки, дети постарше их качали, они же выходили с младшими гулять во двор или на улицу (в этом случае малышей несли на руках или привязывали к спине).

Мужчины занимались промыслами по производству орудий сельскохозяйственного назначения, изготовлением мебели, предметов домашнего обихода, седельным, кузнечным, оружейным, ювелирным производством и др. Естественно, каждый мастер стремился передать свое умение, мастерство вместе с секретами, навыками, техникой изготовления своим детям, ученикам.

Первый этап социализации ребенка – это прежде всего функция семейного коллектива. С 5–6 лет возрастало влияние коллективной социализирующей функции более широкого родственного коллектива, соседского, сельского сообщества.

Специфическими чертами традиционного трудового воспитания являлись: во-первых, обязательное посильное участие детей и подростков во всех видах основной хозяйственной деятельности, с учетом их возраста и пола, во-вторых, постоянный характер трудовых обязанностей, закрепленных за детьми и подростками. Опыт трудовой деятельности передавался от совершеннолетней молодежи к подросткам, от подростков к младшим детям, т.е. от детей старшего возраста к младшим.

Убирать в доме, прясть, ткать, заниматься рукоделием, ухаживать за младшими детьми девочки учились с малых лет, помогая матерям. А мальчики рубили дрова, ухаживали за домашними животными, помогали в полевых работах отцу, старшему в семье. В целом к 10–12 годам мальчики и девочки в чеченском обществе знали очень многое из того, чем занимались родители, чем им самим предстояло заниматься по мере взросления.

В четвертом параграфе рассматриваются особенности трудового воспитания в разных отраслях хозяйственной деятельности.

Чеченцы, помимо земледелия и скотоводства, с древних времен занимались охотой, рыболовством, пчеловодством, различными ремеслами и промыслами – плотницким делом, кузнечным ремеслом, производством ювелирных изделий и др. В крестьянских хозяйствах все профессиональные навыки, не считая кузнечного и ювелирного, полагалось осваивать практически всем. Полунатуральное хозяйство, многовековой замкнутый образ жизни заставляли чеченцев самим производить для себя почти все

необходимое для жизни. Скотовод в то же время был землепашцем и косарем, умел сеять, был также охотником, строителем и т.д.

В скотоводческих хозяйствах специфика трудового воспитания обуславливалась особенностями этой отрасли производства. К труду чабана, пастуха дети приобщались в первую очередь посредством наблюдения за работой взрослых членов семьи, по их рассказами о повадках и поведении животных, способах выбора пастбищ, мест для коша, болезнях и т.д. Свои особенности имел уход за овцами, крупным рогатым скотом, лошадьми и т.д. Наблюдая за всем, что делали старшие члены семьи, слушая их, а также помогая им в меру своих возможностей, дети осваивали правила ухода за лошадьми, особенности кормления животных и т.д. С малых лет дети узнавали, что перед дальней дорогой лошадь нельзя поить водой, что там, где паслись овцы, не следует пасти лошадей, крупный рогатый скот, и т.д. Все эти знания имели большое практическое значение.

Пятый параграф посвящен экологическому воспитанию детей, их приобщению к познанию окружающей природной среды.

Большое значение имели фенологические приметы и наблюдения, связанные с периодом весенне-полевых работ, поскольку производственная деятельность в значительной степени зависела от природных явлений и климатических условий. Поэтому старшие стремились передать детям накопленные предыдущими поколениями знания об окружающей их природе. Народные приметы по своему содержанию были самыми разными: животноводческие, земледельческие, связанные с суеверными представлениями и др., но в большинстве имели рациональное содержание. Конечно, люди, занимающиеся земледелием, обучали своих детей прежде всего приметам, необходимыми в земледельческом производстве, а животноводы – приметам, которые можно было использовать в скотоводческой деятельности, при предохранении животных от различных болезней и т.д. В некоторой степени знание примет помогало труженику противостоять всевозможным природно-климатическим невзгодам и стихийным бедствиям.

Экологическое воспитание чеченских детей начиналось в самом раннем возрасте, поскольку им предстояло непосредственно соприкасаться с природой, животным и растительным миром уже с раннего детства. Оно проходило в непосредственном общении с взрослыми членами семьи и в процессе активного участия детей в труде. При этом взрослые, и особенно старшие члены семьи, рассказывали детям о случаях, которые происходили лично с ними или с их родственниками и друзьями в жизни. Приведем некоторые примеры экологических представлений чеченцев.

Природа – живое существо, как и человек, и к ней необходимо относиться как к живому организму. Нельзя оставлять в лесу костер непотушенным. Нельзя загрязнять

воду, реки, озера, ручьи отходами. Нельзя без необходимости рубить деревья; были породы деревьев (например, фруктовые деревья), которые вообще запрещалось рубить. Не разрешалось выщипывать у живой птицы перья и пух, это могло отразиться на состоянии самого человека, который занимался этим.

Пристальное внимание к природе воспитывало в детях наблюдательность, способность видеть мельчайшие детали изменений в окружающей среде, умение пользоваться дарами природы, что имело немаловажное значение для успешной хозяйственной деятельности.

Человек как часть природы обязан был охранять, поддерживать ее. Чеченцы верили, что разоривший гнездо птицы останется без наследника, срубивший грушевое дерево – не будет иметь дома. Пристально изучая природу, человек познавал ее, учился жить в окружении природы и беречь ее.

Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к людям труда, представления о престижности труда земледельца, животновода, ремесленника, в целом значимости всех видов трудовой деятельности.

Изучение трудового воспитания детей в традиционном обществе чеченцев дает возможность прийти к выводу о том, что в чеченской семье бытовала продуманная система трудового воспитания, приемы и методы которого вырабатывались горцами в сложных условиях борьбы за существование. Отдельные положительные элементы трудового воспитания могут быть использованы в воспитании и сегодня.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА посвящена физическому воспитанию, в ней анализируются особенности физической подготовки детей от рождения до совершеннолетия. Задачей физического воспитания была не только подготовка трудоспособных людей, но также привитие молодым людям таких морально-волевых качеств, как смелость, решительность, воля и т.д.

В первом параграфе рассматриваются основные черты первого этапа физического воспитания, которые состояли в том, чтобы заложить основы правильного физического развития (закаливание детского организма, привитие детям двигательных навыков и т.д.). Забота о физическом здоровье начиналась с рождения ребенка. Особенность устройства колыбели уже способствовала здоровому развитию ребенка. Купание ребенка имело свои особенности. Так, после окончания этой процедуры младенца опускали вниз головой, держа за ноги и похлопывая по ступням несколько минут. После достижения ребенком 6 месяцев считалось необходимым хотя бы раз в день подбрасывать малыша на руках в

вертикальном положении. Полезным считалось и ношение ребенка за спиной: по народным представлениям, это способствовало развитию тазобедренных сочленений.

По мере взросления детей изменялись упражнения, связанные с физической нагрузкой, у девочек они все более отходили на второй план или вообще исчезали, а у мальчиков, наоборот, усиливались. Необходимость физического воспитания была обусловлена суровыми требованиями жизни. Результативность же осуществления задач физического воспитания и усложнение физических упражнений в связи с переходом детей в другую возрастную группу и изменением условий жизни постепенно привели к пониманию связи между ними и впоследствии определили конечную направленность физической подготовки. Понимание этой связи легло в основу складывания методов физической подготовки детей к жизни.

Во втором параграфе рассматриваются особенности физического воспитания мальчиков и девочек.

Физическое воспитание мальчиков было во многом сходным у всех горских народов Северного Кавказа, что являлось показателем схожести быта, условий жизни этих народов, а также наличия у них взаимных влияний в этой сфере. Исследования показывают, что чеченцы воспитывали подрастающее поколение в духе воинственности, храбрости и беззаветной отваги. Устное народное творчество чеченцев свидетельствует, что одной из главных задач воспитания детей в семье было привитие им любви к родине, к земле, воспитание готовности защищать ее от врагов: «На чужбине борзая собака зайца не поймала», «Хорошая земля там, где ты родился», «Золото дороже там, где добывается» (даймохкахь латто а г1о до). Воспитывая храбрость и смелость в мальчике, отец и другие мужчины семьи при этом заботились и о нравственных началах воспитания. Если во время игры или драки сын побеждал чужого мальчика, то отец с гордостью смотрел на него и называл его «волком» («волк» у чеченцев – символ храбрости). Еще в древнем пласте чеченского фольклора – нартском эпосе – выражена патриотическая идея: «Защита родной земли – долг всех народов». К выполнению этого высокого долга готовили детей с ранних лет.

В воспитании девочек чисто спортивные упражнения отходили на второй план, уступая первенство освоению навыков ведения домашнего хозяйства. Но в свободное от работы время они танцевали, пели, бегали наперегонки, прыгали и т.д. Получив в детстве некоторые навыки, девушки потом демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах и в общественных местах (праздники, вечеринки и т.д.). Мальчики ездили верхом, на полном скаку стреляли из лука в цель и т.д.

В военно-физическое воспитание мальчиков входили: верховая езда, борьба, метание камней и копий, прыжки с шестом, лазание, плавание и др. Мальчикам-подросткам поручалась тренировка, включавшая в себя малые заезды, полдневные и дневные переходы. Тренируя коней, мальчики развивали в себе сноровку и ловкость, смелость, отвагу. Эти же качества вырабатывались у мальчиков и в ходе участия их в массовых играх и состязаниях.

Мальчиков обучали, как мы уже отмечали, специальным приемам борьбы, давая тактические советы. В 12–14 лет они уже принимали участие в соревнованиях по борьбе на приз, устраивающихся на различных праздничных мероприятиях (свадьбы, празднование рождения сына-первенца, весенние и осенние праздники), связанных с хозяйственной деятельностью, календарной обрядностью и т.д.

Джигитовка, стрельба в цель, умение на полном скаку поднять монету с земли или барана из ямы, положить кнут на сверток, находившийся на земле, – были обычными заданиями для юных всадников у чеченцев. Владеть оружием и конем мальчиков приучали с малых лет.

Игры мальчиков, особенно подвижные, занимали значительное место в системе физического воспитания и способствовали развитию координации движений, ловкости, скорости реакции, укреплению мышц и костной системы, вырабатывали наблюдательность, настойчивость, решительность, одним словом, качества, необходимые для тех условий жизни, в которых приходилось жить в те времена. Из средств физического воспитания наиболее были распространены среди чеченцев следующие: метание камня, метание копья, прыжки с шестом, прыжки через бурку, верховая езда и др.

Физическое воспитание девочек в прошлом мало чем отличалось от мужского. Согласно преданиям, легендам и нашим полевым этнографическим материалам, женщины могли на полном скаку стрелять из лука, метко попадая в цель, ходили на охоту, при необходимости выполняли практически все тяжелые работы в хозяйстве, заменяя мужчин, ушедших в поход и др.

Третий параграф посвящен роли коня в системе физического воспитания.

Конные состязания у чеченцев носили массовый характер. К ним тщательно готовили наездников, с 2–3-летнего возраста приучали мальчика держаться в седле. Тренируя лошадь на выносливость и силу, горцы учили ее преодолевать разные препятствия. Наблюдавший подготовку чеченцами лошадей С.М. Броневский писал, что смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоты. Такие упражнения, подвергавшие всякий раз жизнь седока-джигита

вместе с лошастью опасности, нередко спасали от опасности попасться в руки неприятелю в случае погони.

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, разводили лошадей в основном для верховой езды, используя в сельскохозяйственных работах быков. Любовь к своему коню у всех кавказских народов, в том числе и у чеченцев, настолько значительна, что конь для джигита был всем. Уходу за лошастью уделялось самое большое внимание, ее умело готовили к состязаниям. Хорошо тренированный конь мог пробегать в достаточно тяжелых условиях по 80–100 верст в день. Считая, что шпоры и подковы причиняют лошади боль, чеченцы в прошлом их не использовали, чтобы лошадь не стала нервной. Лошадей тренировали на различных дистанциях, купали по несколько раз в день. Детям с детства прививали любовь к коню. Как правило, подготовку лошади к состязаниям поручали подросткам, которые под контролем старших тренировали ее и кормили.

При подготовке лошади к соревнованиям ее учили преодолевать различные препятствия. Чеченцы сажали мальчиков на коня с 2–3-летнего возраста, и видимо, поэтому чеченец чувствовал себя в седле так же свободно и уверенно, как на земле. Чеченцы, как и другие народы Кавказа, по мере возможности старались иметь дорогое, сделанное хорошим мастером седло, отличавшееся изяществом, красотой, легкостью и в то же время прочностью; оно не должно было натирать спину лошади, если даже его не снимали неделями.

Четвертый параграф посвящен роли бега и других физических упражнений.

Важное место в системе физического воспитания у чеченцев занимал бег на различные дистанции. Состязания в беге проводились, как правило, после окончания весеннего сева или после уборки урожая. В горах, где в меньшей степени занимались земледелием и полевыми работами, соревнования по бегу также проводились весной и осенью. Старт и финиш обозначались линиями. На старте обязательным было присутствие человека, по сигналу которого начиналось состязание. Таким сигналом мог быть выстрел или какой-либо громкий звук. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, бытовали определенные правила проведения соревнований, хотя они и сохранялись в устной передаче. Так, было обязательным присутствие на старте какого-либо почетного представителя селения, кроме непосредственных участников и людей, проводящих соревнования.

В фольклоре воспевались известные бегуны, о них слагали песни, легенды, рассказы, которые передавались из поколения в поколение. Из подобных рассказов мы узнаем, что среди чеченцев был известен бегун Абазатов, который мог перегнать лошадь; также он мог обогнать лучшего скакуна, при этом неся за спиной человека. Известным бегуном-

скороходом был чеченец по имени Ибрагим, который жил в Притеречье в начале XX в. Бегун Ибрагим прославился тем, что легко обгонял самого быстрого скакуна, отличался необычайной силой и выносливостью. По преданию, он унес свою невесту, взвалив ее на плечи. Когда же родственники девушки погнались за ним на лошадях, то не смогли настигнуть жениха.

Умение ходить по канату, демонстрируя при этом достаточно сложные упражнения, было характерно не только для взрослых и опытных канатоходцев, но и для их детей – мальчиков-подростков. Канатоходцы пользовались популярностью, хотя чеченцы с некоторым пренебрежением относились к этой профессии, считая это занятие несерьезным делом. При демонстрации своего искусства канатоходцы пользовались длинными палками-шестами; передвигаясь по канату, они делали сложные упражнения и даже танцевали. Самые умелые делали упражнения без шеста и другой опоры, передвигались по канату с завязанными глазами и т.д. В Чечне были специальные «школы» канатоходцев, где детей с раннего возраста обучали этому сложному и красивому искусству.

Совершенствование физического развития, развитие прикладных навыков в беге, прыжках, верховой езде, освоение определенных морально-волевых качеств: выдержки, смелости, спокойствия, стойкости и т.д. были важными задачами военно-физического воспитания мальчиков.

Были также различные подвижные игры: чижик («кульлех ловзар»), игра в мяч («бурканах ловзар»), в прятки («лечкьаргех ловзар»), игры с элементами бега («хьалха вала вадар») и др. Все эти игры оказывали положительное воздействие на физическое развитие детей. Каждая конкретная игра делала упор на развитие отдельных частей тела, а взятые в комплексе, они способствовали полноценному физическому воспитанию подрастающего поколения.

Подвижные игры чеченцев имели большое значение в воспитании ловкости, быстроты, силы, меткости у мальчиков и юношей. Особенностью большинства подвижных игр было то, что они носили состязательный характер, хотя для них были характерны и другие элементы. При этом соревновались команды или каждый мальчик в отдельности. Во многих играх-состязаниях большое внимание уделялось общей физической подготовке всех участников, но всегда выделяли самого сильного и ловкого. Большинство игр опиралось на индивидуальность игрока и его личное первенство, а не на успех всей команды. Главным, определяющим в этих играх был не спортивный интерес, а практическая цель – подготовка подрастающего поколения к повседневной нелегкой жизни, когда в силу необходимости чеченцы вынуждены были братья за оружие. Будучи

своего рода универсальным средством физического воспитания, подвижные игры охватывали все основные виды двигательных процессов, свойственных человеческому организму.

На физическое воспитание молодежи влияние оказывали народные праздники, которые занимали значительное место в жизни чеченского народа. Праздники способствовали передаче молодым поколениям народных традиций физического воспитания. Так, празднование Нового года у чеченцев сопровождалось разными играми и увеселениями, хождением ряженных, а также скачками, которые устраивали на третий день праздника. Накануне Нового года чеченцы, как правило, устраивали хождение ряженных («джухаргаш»). Мальчики-подростки надевали шубы мехом наружу, подпоясывались грубой веревкой («муш»), подвешивали сумку («тальсиш») для того, чтобы положить в нее полученное в подарок (сладости, блины и др.). На голову ряженные надевали шапки наизнанку, а некоторые – войлочные маски, обязательным атрибутом которых были рога (козьи или бараньи). Рога могли быть и деревянными, маску дополняли бородой из овчины. Ряженные ходили по дворам с большим шумом, их пожелания были самые мирные: умножение поголовья скота, птицы, увеличение численности семьи. Своим шумом и громкими пожеланиями они, как считалось, изгоняли злых духов. В каждом дворе их одаривали сладостями, яйцами, мукой и т.д., а тех, кто отказывался их одаривать, ряженные высмеивали за скупость, жадность, и даже проклинали скупых, чтобы у них не было прибавления в птице и т.д.

Некоторые игры, направленные на развитие физических качеств, служили своеобразным введением в хозяйственную деятельность, прививали детям необходимые навыки обращения с предметами труда и т.п. Игры и развлечения прививали детям также и нравственные понятия, связанные с трудовой деятельностью (производственный аспект).

Спортивная функция игр переплеталась с воспитательной функцией, поскольку они играли важную роль в деле физического и духовного воспитания молодежи, а спортивная функция игр была переплетена с функциями зрелищно-эстетическими и коммуникативными. Складывавшаяся веками система физического воспитания чеченских детей была результатом совершенствования прогрессивных и отмирания негативных традиций, их адаптации к разным условиям жизнедеятельности народа в различные исторические периоды. Выработанные чеченским народом многообразные по форме традиции физического воспитания обладали глубоким содержанием.

Таким образом, можно отметить, что игра приучала детей к тем физическим и психологическим нагрузкам, которые были необходимы для работы, в ходе которых

формировались качества будущего мужчины. Подготовка будущих защитников родины, выработка у молодого поколения морально-волевых качеств: решительности, настойчивости, смелости, самообладания и т.п. – были главными задачами физического воспитания.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА посвящена нравственному воспитанию.

Серьезное внимание уделялось чеченцами нравственному воспитанию подрастающего поколения. С общепринятыми нормами морали, правилами поведения в семье и обществе ребенок знакомился прежде всего в семье.

В первом параграфе представлены основные общие принципы нравственного, этического и эстетического воспитания.

Большое внимание уделялось воспитанию у детей таких нравственных категорий, как дисциплинированность, чувство коллективизма, послушание и уважение к родителям и старшим, верность в дружбе, любовь к родине и др. В мальчиках воспитывали храбрость, верность, стойкость, самоотверженность, в девочках – терпение, вежливость, послушание старшим, а в будущем – мужу. Все это соответствовало идеалу нравственного и этического совершенства той эпохи, когда критерии воспитания подрастающего поколения у чеченцев были тесно связаны с историческими условиями их жизни.

Характерными чертами семейно-бытовых отношений чеченцев с древнейших времен является глубокое почитание детьми родителей, уважение к старшим независимо от их национальной принадлежности, пола, образования, положения в обществе и т.д. Обычай предписывал уважать людей преклонного возраста.

Детям постепенно прививались элементарные навыки общения: как обращаться к взрослым, как вести себя во время трапезы, при гостях в своем доме, в гостях и т.д. Чеченцы, особенно женщины, были спокойны и ласковы в семье, никогда не говорили на повышенных тонах и не применяли суровых наказаний к детям. Дети приучались исполнять наставления, советы, просьбы родителей, старших. Если посланный родителями по делу мальчик встречал на улице старика и тот просил его что-либо сделать, сначала полагалось выполнить его просьбу, а потом уже поручение родителей. При встрече со старшими младшие должны были подходить или подъезжать к ним с левой стороны, с этой же стороны следовать с ними в пути. Правая сторона считалась и считается почетной, и ее принято уступать старшему.

С общепринятыми нормами морали и правилами поведения ребенка знакомили прежде всего в семье. Главную роль в этом играло поведение старших, их пример. Подрастая, дети постепенно входили в ту систему взаимоотношений, которая существовала в семье, и она становилась для них непреложным законом коммуникации

между старшими и младшими (правила поведения по отношению к родителям, ближним и дальним родственникам, соседям, гостям и т.д.).

Во втором параграфе рассматриваются взаимоотношения между поколениями и особенности нравственного воспитания, которые проявлялись во взаимоотношениях между взрослыми и детьми, старшими и младшими в доме, на улице, в общественных местах.

Религиозно-нравственная основа взаимоотношений между поколениями в семье особенно четко проявлялась в народных представлениях о значении родительского благословения и родительского проклятия. Соблюдение строгих моральных норм, как считали чеченцы, было предписано людям самим богом. Правильным, этичным считалось, если сын следовал заветам отца; непослушные дети рассматривались как неблагодарные, как наказание для родителей. Этикетные, нравственные установки видоизменялись, приспособляясь к новым условиям, но продолжали существовать в быту народа. Известно, что мусульманская культура по своей природе синкретична: тяжелые условия хозяйствования, малоземелье, не всегда ровные отношения с соседями и многое другое давали повод для проявления горского темперамента. В значительной степени на сдерживание его и была направлена вся система нравственного воспитания.

На этикет и нормы воспитания детей огромное влияние оказали мусульманские традиции и ценности. В большинстве они не противоречили нормам этнической культуры и были усвоены поведенческой культурой чеченцев. Арабский язык, язык Пророка, стал языковой оболочкой мусульманского, а впоследствии и чеченского этикета, который постоянно пополнялся заимствованиями из общения с окружающим миром, с соседними народами. Эти новые правила этикета народ воспринимал, приспособляя их к своим специфическим национальным условиям.

В нравственно-этическом плане чеченцы обучали молодежь не только правилам поведения и общения в соответствии с нормами этикета, но и заботе о старших и родителях. Нормы нравственности и правила поведения, а также нормы ислама требовали и требуют беспрекословного уважения к родителям на протяжении всей их жизни. Общественное мнение резко осуждало и осуждает лиц, которые проявляли непочтительное отношение к людям старшего возраста.

Как мы отмечали выше, условием правильного воспитания подрастающего поколения считалось положение, что родители должны быть примером для детей. Об этом говорят пословицы: «Что говорится взрослыми, то и дети передают», «Что орленок видит в своем гнезде, то он делает, когда вылетает из него» и т.д. Большое значение придавалось и общественному мнению. Так, в определенных случаях, например, при выборе невесты,

обращали внимание не только на мнение матери, но и на сложившееся мнение общества. Чеченская пословица гласит: «Беру не ту, кого расхваливает мать, беру ту, которую расхваливают люди». От родителей требовалось, чтобы они учитывали влияние окружающих на детей, знали, с кем общаются дети вне дома, оберегали детей от дурных знакомств и влияний. Чеченская нравственная культура регламентировала все стороны жизни каждого члена общества.

Третий параграф посвящен воспитанию норм взаимоотношений между полами и поколениями. Рассматриваются вопросы, связанные с различными аспектами воспитания норм, соблюдавшихся при взаимоотношениях между юношами и девушками, мужчинами и женщинами, старшими и младшими и т.д. Представители старшего поколения в семье передавали младшим богатый нравственный опыт предков, который проявлялся в кодексе «кьонахалла», или «нохчалла» и включал в основном три нравственные категории: «радующие глаз» – «адамалла» – человечность, «*гиллакх*» – этикет; «радующие сердце», т.е. «*Кинхетам*» – милосердие, «*нийсо*» – справедливость, «*иэхь-бехк*» – стыд, «*оьздангалла*» – благородство; «невидимые»: «*ларам*» – почтительность, «*бакьо*» – правдивость, «*сий*» – честь, «*собар*» – выдержка.

В представлении старшего поколения чеченцев настоящий человек – это человек труда. Понятия «кьонах», «*оьзда стаг*» включают в себя все стороны жизни и деятельности мужчины. По воззрениям чеченцев, мужчина должен быть патриотом своей родины, своего народа, он должен обладать мужеством, стойкостью духа, решительностью, чувством верности долгу, ответственности, верности данному слову. Именно так понимали чеченцы понятия «кьонах», «*оьзда клант*», «*дика клант*».

Моральный кодекс чеченца основан на таких категориях, как честь, совесть, благородство. В этом находят отражение все стороны нравственной жизни чеченцев: заботливое, уважительное отношение к женщине, почитание старших, забота о старших и младших, семейный долг и др.

Многие исследователи, писавшие о чеченцах, говорили о свободе девушек, особо уважительном отношении к ним в семье, со стороны братьев, отца. Известно, что чеченцы даже прикосновение к руке или косе девушки, отнятие у нее платка считали достаточным поводом для того, чтобы обязать юношу вступить в брак или выплатить полную плату за кровь «обесчещенной» этими поступками девушке. Следует отметить, что нормы ответственности при посягательстве на честь и достоинство женщины занимали существенное место в обычном праве чеченцев. По этим нормам оскорбление женщины являлось оскорблением всей ее семьи, близких и дальних родственников, а в случае, если женщина была замужем, то лицо, посягнувшее на ее честь и достоинство, становилось

должником не только ее родственников, но и мужа и сыновей.

Можно сказать, что чеченцы ничего не жалели для того, чтобы красиво одеть свою дочь, полагая, что красивая одежда в некоторой степени обязывает девушку вести себя с достоинством, прилично. Многие авторы отмечали, что в одежде чеченок чувствовалась изысканность, чувство меры и отсутствие аляповатых тонов. Во всех случаях жизни чеченцы предписывали девушкам и женщинам вести себя прилично, с достоинством. Думается, что форма поведения девушек диктовалась их предназначением и социальной ролью в жизни. В представлении чеченцев женщина должна была быть в первую очередь красивой, чтобы радовать взор, вызывать восхищение и поклонение мужчин.

Важным атрибутом женской красоты, по воззрениям чеченцев, считались густые брови, длинная шея, белая кожа, стройная фигура, красивые ноги, небольшая ступня и т.д. Воспитанием девочек занимались женщины. Женственность, скромность, послушание, сдержанность в выражениях считались для девушки необходимыми чертами характера. Девочек постоянно учили оказывать старшим, особенно мужчинам, почтение, напоминали, что надо держаться с достоинством. Девушка была украшением семьи, ее любили, не наказывали. О всех таинствах мира, о тонкостях жизненных ситуаций, о деликатных моментах девушка узнавала от матери, бабушки в тиши дома, на полутонах.

Чеченцы сравнивали красоту девушки с Луной, с Солнцем, с Утренней зарей, с тихим вечером в горах. «Чистая, как роса», «чистая, как слеза», «язык ласковый, как у ласточки» – таким предстает образ девушки в чеченском фольклоре. При всей свободе, открытости поведения от девушки требовалась внутренняя неприступность, обязательное соблюдение целомудрия. Это правило сохраняется неизменным и до настоящего времени. Девушка, допустившая подобную ошибку, и сейчас считается великим позором для семьи.

Согласно нормам этикета, чеченцев девушка не могла первой признаться в любви юноше и выбрать спутника жизни, впрочем, и сейчас столь же неприличным считается для девушки признаться первой в любви. Возможно, поэтому чеченской девушке желали: «Ирс хила хьан», «Ирсе дахар хила» («Чтобы ты была счастливой, счастья тебе»). Не полагалось говорить прямо: «Дай Бог тебе хорошего мужа», поскольку считалось неэтичным говорить с девушкой о будущем муже. Но с развитием процессов демократизации в семейно-бытовой сфере и чеченские женщины стали употреблять слова «супруг», «супруга», «сан зуда», «сан майра» – «моя жена», «мой муж». Конечно, с точки зрения чеченской этики эти слова режут слух воспитанного на уважении к традиционным нормам человека, поскольку, согласно этикету чеченцев, неприлично произносить имя мужа в присутствии старших.

Чеченцы-мужчины в прошлом никогда при людях не говорили о своей жене (не

ругали и не хвалили), лучшим показателем их чувств, отношения к жене были поступки, манера обращения и т.д. Даже в том случае, если жена не оправдывала свое призвание быть преданной женой и хорошей хозяйкой, унижала своим поведением себя и семью, муж не должен был поднимать на нее руку.

Традиции почтительного отношения к старшим родственникам и вообще старшим по возрасту чеченские дети усваивали в непосредственном общении с ними не только в праздничной, но и в обыденной обстановке. В любом селении особым уважением пользовалась семья, в которой все относились друг к другу хорошо, терпимо, где царил атмосфера взаимопонимания, все жили в согласии и дружно трудились.

Важной школой усвоения бытовавших в чеченском обществе норм поведения в обществе, взаимоотношений между представителями разных половозрастных групп были выезды в гости, на вечеринку («синкъярам»), посещение взаимопомощи («белхи» – коллективная работа, выражающаяся в оказании помощи в строительстве, уборке урожая, например, винограда, чистке кукурузы, заготовке саманного кирпича в летнее время и т.д.). В связи с этим чеченцы говорили: «Нахана юкъях бен лела ца Ёема» – «Научиться вести себя можно только находясь среди людей». Действительно, где сесть, где встать, за кем ухаживать, что говорить, какие шутки дозволительны, уместны, кого кому как встретить и многое другое – все это можно было узнать и применить на «практике», только побывав в различных ситуациях, находясь в обществе.

Уже с юности человек осознавал, насколько важно заслужить доброе мнение о себе, высокую оценку старших, поскольку именно старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а также и всего общества.

В четвертом параграфе рассматривается воспитательное значение традиций, связанных с гостеприимством.

У чеченцев существовали детально разработанные правила приема гостей. Обычно их принимали в специальной гостевой комнате («хъеша цIа», «сов цIа», «хъешан уотти»). Эти названия сохранились до наших дней для помещения, построенного во дворе и используемого для кухни и в качестве кладовой. Помещение для гостей было украшено всем самым лучшим из того, что имелось в доме (оружие, ковры, утварь, посуда и т.д.). Пригласив гостя, хозяин, по обычаю, в дверях принимал передаваемое ему гостем оружие, после этого взяв на себя ответственность за его безопасность. В литературе встречается немало сведений о том, что чеченцы отличались самым радушным гостеприимством. По древнему обычаю обязанности гостеприимства распространялись на любого, кто мирно вошел во двор или даже только вступил на землю, принадлежащую хозяину. Поэтому одним из важнейших правил, которые прививали ребенку с раннего детства, –

необходимость достойно принять гостя.

Дети в чеченской семье были непосредственными и активными участниками приема гостя и с раннего возраста усваивали все соответствующие правила. Гостя усаживали на почетное место («баърчий») на тахте, покрытой войлочным ковром («истанг»), усаживали за низкий стол («истол») на низком треножном стуле («глант») или на подушке для сиденья («миндар»). Перед гостем, как правило, ставили на деревянном блюде большие куски вареного мяса («текх») зарезанного в его честь барана. Барана делили на 12 частей: две лопатки («пханар»), четыре бедренные кости («буност»), четыре берцовые кости («чуност»), голова («корта») и грудинка («накха»); если баран был курдючным, добавлялся еще курдюк («дума»). Гость, переложив для себя в тарелку («хедар») кусок мяса, благодарил хозяина и просил унести остальное мясо. Чтобы оказать достойный прием гостю, в его честь организовывали вечеринку («синкьерам», «ловзар»), на которую приглашали молодежь. В ритуале приема гостя детям наглядно демонстрировались отношение к людям старшего возраста, гостям разного возраста и положения, этикет застолья, правила размещения за столом (при этом учитывались возраст, социальные и родственные отношения) и порядок обслуживания сотрапезников.

Пятый параграф посвящен особенностям воспитания нравственных и этических норм в семье.

Чеченцы уделяли большое внимание воспитанию в семье. Причем в семье происходило не только воспитание собственных детей, но отчасти продолжалось и воспитание пришедших в семью невесток, также нередко достаточно юных. Воспитанием снох и дочерей занималась старшая женщина, которая достаточно тактично, по мере возможности, направляла их поступки в соответствии с нравственными нормами семьи, рода. Нередко при этом, выговаривая дочери за какие-то просчеты, свекровь предназначала свои слова невестке. Выражение «ала й1ои, хаза несана» – «скажи дочери, чтобы слышала сноха» до настоящего времени бытует у чеченцев. Этика семьи учила сноху жить по примеру свекрови. В некотором отношении в воспитании снохи принимали участие и соседки: они поучали ее: «дукха къамелаш дича – г1алат долу» («когда много говоришь, то можно ошибиться»; «ахъа гондаршан лерча, хьо лорар ду хьуна» («уважительное отношение к окружающим – это уважение к себе») и т.д.

Семья была в ответе не только за воспитание нравственных и эстетических норм, но и за поведение детей и молодых членов семьи в обществе. Для чеченского общества было характерно взаимодействие семейного и общественного воспитания. Дети и молодежь несли ответственность за свое поведение не только перед близкими родственниками, но и перед всей общиной, члены которой могли делать замечания по поводу их поведения.

Считалось, что плохим поведением ребенок позорил не только свою семью, но и всех близких родственников. Выразителем общественного мнения являлась «пьюгла» – общинное собрание, которое руководило всей жизнью соседской общины, оказывая существенное моральное воздействие как на родителей, так и на детей.

Нормы нравственного поведения людей в семье и в обществе отражены в адатах – нормах обычного права. За соблюдением этих норм следило общество, их нарушение сурово осуждалось. С самых малых лет как семья, так и общество в целом вырабатывали и закрепляли у детей и подростков такие качества, как уважение к старшим, к родителям, лицам противоположного пола, чувство долга, чести, гостеприимство, бережное отношение к окружающей среде, оказание помощи слабым и бедным, скромность, умение защищать честь семьи и общества и др. Одним из основных нравственных требований к молодым людям было, чтобы они росли, стыдясь своих неправильных поступков («эхья има долуш»). Старшее поколение, имеющее жизненный опыт, давало необходимые в тех или иных случаях советы, считая это своим долгом, обязанностью.

Чеченская этика не одобряла выставления молодыми себя на первый план, самовосхваления, считалось неприличным публично говорить о своих добрых делах и т.д.

Для чеченцев важно было знать и соблюдать установленные правила поведения и с религиозной точки зрения: по народным представлениям, соблюдение норм морали было предписано самим богом, и богоугодным делом считалось следовать этим предначертаниям.

В шестом параграфе рассматриваются нравственные категории «совесть», «порядочность», «терпимость», «яхь» и методы их воспитания.

Примечательно, что чеченцы говорили и сейчас говорят: «яхь хила еза», «х1аг1 хила ца еза» – «люди должны стремиться подражать, но не должны иметь зависть». Видимо, этим объясняется, что, по мнению чеченцев, совесть («эхья-има»), стыд должны быть присущи как отдельным представителям народа, так и всему народу. У чеченцев особым доверием пользовался «совестливый человек» («эхь-има доцуш орам бу цюна», «Дала лардойла вай къематдинахья, эхь-има доцчу нахах»). Считалось: если человек стыдится, осознает свои ошибки и промахи, то может исправиться.

Категория «яхь» требовала от человека, по воззрениям чеченцев, быть лучше, а не хуже других людей, и это стремление становилось одним из существенных мотивов поведения. Поэтому категория «яхь» как бы составляла часть всех других нравственных категорий и норм поведения и считалась главной чертой как мужчин, так и женщин: «Яхь ецу кант ваь ма войла» («Чтобы не рождался сын, у которого нет яхь» – т.е. духа соревновательности, порядочности) – поется в чеченской песне.

В чеченской семье каждый знал, что он должен делать, и никто из членов семьи, несмотря даже на малый возраст, не освобождался от своих обязанностей. Каждый из детей должен был знать кодекс поведения, нормы поведения, нормы отношений с окружающими, соответствующие его возрасту. Дети знали, какой поступок и как расценивается окружающими, что старшими одобряется и воспринимается положительно; кто может служить примером для подражания, а кто нет, и т.д.

Следует отметить, что многие исследователи и путешественники, посещавшие Чечню, указывали, что чеченцы отличаются особыми правилами приличия и вежливыми манерами. Конечно, в основном нормы общения и поведения, характерные для чеченского общества, являются общими если не для всего человечества, то, несомненно, в основных чертах общими для народов Кавказского региона и ближайшего Евразийского пространства. Вместе с тем имеются и некоторые особые черты чеченского национального характера и ритуализованного поведения, которые сформировались в далеком прошлом, но продолжают сохранять свое значение в культуре общения современной Чечни.

ПЯТАЯ ГЛАВА посвящена проблеме детских игр и игрушек.

В первом параграфе рассматриваются общие вопросы функционирования в чеченском обществе различных игр и развлечений. Наиболее существенной их функцией была воспитательная, что особенно характерно для детских игр, так как именно в этом возрасте закладываются основы личности. Игры, целью которых было воспитание таких важных качеств, как наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в непредвиденной обстановке, быстрота реакции, находчивость и т.п. (интеллектуальный аспект), мы относим к первой категории. Часть детских игр и забав имела важное познавательное значение. С их помощью дети знакомились с окружающей действительностью, получали сведения об окружающей их природе, о повадках животных и птиц, об их хозяйственном назначении. В целом игровой материал сообщал им элементарные сведения о быте, хозяйстве и иных занятиях, о социальном устройстве общества, о взаимоотношениях в нем людей и т.д. (познавательный аспект).

Игра – это своего рода народная лаборатория, где формировался характер человека, воспитывались трудолюбие, находчивость, настойчивость и многие другие качества, необходимые подрастающему поколению в его дальнейшей жизни. На различных ступенях исторического развития игры эволюционировали, но во всех случаях их назначение определялось подготовкой ребенка к дальнейшей «жизненной деятельности».

Выделялись игры, способствующие воспитанию трудолюбия. Были известны игры, помогавшие вырабатывать ловкость, быстроту, подвижность, сноровку и т.д. Некоторые

игры были направлены на развитие умственных способностей и нравственных качеств. Были также игры только для девочек и игры только для мальчиков. Конечно, такое разделение несколько условно. В первую очередь это следует отнести к играм, которые воспитывали морально-этические нормы, способствующие становлению физических данных, трудовых навыков, ловкости, сноровки и т.д. В то же время отметим, что каждая из игр содействовала воспитанию не одного какого-то качества, но имела комплексное воздействие на ребенка.

Некоторые игры, направленные на развитие физических качеств, служили своеобразным введением в хозяйственную деятельность: прививали детям необходимые навыки обращения с предметами труда и т.п. Некоторые развлечения прививали также нравственные понятия, связанные с трудовой деятельностью (производственный аспект).

Специальные детские игрушки в традиционном обществе не были очень многочисленными и разнообразными. Так, из глины и дерева делали следующие игрушки:

1. Развивающие мышцы рук (глиняные и деревянные кольца, шары);
2. Эстетически красивые («бьярг хостуш хаза жима бер 1ехош»).
3. Звучащие, подражающие голосам птиц, животных – мяукающие, квакающие, лающие, стучащие топорыки – звукоподражательные.
4. Укрепляющие силу рук, ног, лечащие («берий ницкх андабеш ераш»): жестяные шары, которые дети катали ногами – помогавшие лечить от плоскостопия; утяжеленные мячи (с грузом) для упражнений рук.
5. Деревянные фигурки птиц, детенышей животных, изображения домов в миниатюре; деревья и листья, вырезанные на дощечках – эти игрушки были призваны увлечь ребенка, доставить эстетическое удовольствие.

В играх 3–4-летних детей уже преобладала трудовая тематика. Дети мастерили из глины и щепок дома, сараи, из прутьев делали плетни и т.п. Эти и другие игры дети устраивали во дворе. Девочки «доили коров» и «понарошку» разливали молоко в горшки («кхабанаш»), терли красный кирпич и полученный красный песок собирали в горшки. Девочки «стирали» белье, «ткали», «вязали», «пекли лепешки», приглашали друг друга в гости. Дети имели кукольную мебель и посуду, в большинстве случаев в этом качестве использовались обломки старой посуды.

Во втором параграфе рассматриваются игры для девочек.

Самыми любимыми и распространенными игрушками у девочек были куклы. Тряпичные куклы изготовлялись при помощи взрослых, часто передавались от старших к младшим. Одежда, занятия, разговоры, обряды, за которыми наблюдали дети в реальной жизни, вещи, которыми они пользовались, отражались в играх с куклами.

В каждой семье девочки имели куклу из тряпок («тайниг»). Как правило, куклы («тайнагаш») делали старшие члены семьи, девочки старшего возраста. Самодельные куклы представляли собой стилизованные фигурки, в основном женские. По технике изготовления тряпичные куклы были двух видов: 1) куклы на деревянном каркасе, состоявшие из двух палок разных размеров, сложенных крестообразно; 2) плоский предмет, обтянутый тканью. Каркас деревянной куклы крепко закреплялся ниткой и на полученную крестообразную основу, которая была похожа на человеческую фигурку, надевали кукольный наряд. Основой головы куклы мог быть обтянутый белой тканью овальный плоский предмет (камень, большая пуговица, монета и т.д.). Кукольную фигурку перевязывали вокруг талии игрушечным поясом, что приближало ее к человеческой фигуре. Дети в играх становились учителями, обучая кукол нормам поведения в различных жизненных ситуациях, и одновременно сами усваивали эти нормы. Детские игры имели большое воспитательное значение, причем старшие дети обучали младших. Девочки играли в куклы, в «кухню», пели песни, танцевали, бегали и прыгали. Девушки демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах, вечеринках, общественных праздниках.

Излюбленной забавой чеченских девочек была игра в камешки («т1улгех ловзар»): пять камешков разбрасывали по ровной поверхности, а затем, подбрасывая один из них, подбирались с земли поочередно остальные (очень широко распространенная на Кавказе и по всему миру игра).

Игры способствовали становлению первоначальных навыков трудовой деятельности: девочки учились шить, делать домашнюю утварь для кукольного домика («тайнагин ц1елиг») и т.п. Так, играя в куклы, девочки постепенно проходили школу хозяйственной и семейной жизни и запоминали, что следует делать и как разговаривать с куклами, которые изображают мужчин, женщин, родителей и детей и т.д., в разных жизненных ситуациях. Социализирующая роль куклы состояла не только в отражении действительной жизни. В этих играх дети приучались не только к трудовым навыкам, физическим нагрузкам, но и обретали умение общаться в коллективе, прислушиваться к мнению других. В ходе игр формировались в определенной степени и личные качества будущего человека.

В третьем параграфе рассматриваются подвижные игры мальчиков.

Зимой мальчики строили в снегу туннели, лепили снежные фигуры, причем изображали на них детали одежды, газыри, кинжал, шапку. Строили снежные башни, соревнуясь, у кого башня будет выше и прочнее. Построив башню, в середину ее опускали сверху вниз большой шест, затем к верхней его части прикрепляли поперек палку

меньшей величины, но такую, чтобы она отходила на некоторое расстояние от стен башни. К обоим ее концам привязывали веревки, концы которых ниспадали вниз, затем на небольшом расстоянии от земли завязывали их, образуя петлю. В итоге получалось приспособление наподобие гигантских шагов. Мальчик продевал одну ногу в петлю и, держась за веревку, отталкивался от земли, набирая таким образом скорость, и, подобрав обе ноги, катался.

Зимой дети катались на коньках («кога салазаш» – ножные сани), которые делали для них взрослые. Они изготавливались из дерева мягкой породы или из толстых прутьев, которые, подержав над огнем, сгибали в дугу, закрепляя это положение веревкой. В полозьях, изготовленных из ясеня, делали углубления, в которых на расстоянии размера ступни крепили концы. На дуги сверху вниз опускали овальные кольца, чтобы ступни не соскальзывали с полозьев. При катании становились на полозья, а руками держались за дуги. Съезжали стоя, слегка подавшись вперед и согнув колени.

В зимнюю пору на льду крутили юлу («дІаьндарг»). Делали ее из предварительно отполированного рога молодого бычка. Иногда, для придания устойчивости, в него заливали расплавленный свинец. В верхней части по кругу выпиливали желобок. Брели 3–4 метра крепкой нитки с петлей на конце, которую набрасывали на указательный палец, а другим концом по желобку окручивали юлу. Юлу бросали вперед с оттяжкой назад. Если сила броска была достаточной и бросок совершался с необходимой сноровкой, то юла, вращаясь, останавливалась на месте («мтт лаца»), что считалось своеобразным достижением. Мальчики устраивали соревнования между собой и в том, чтобы ударами специально для этого сделанного из мягкой овечьей кожи кнута («шед») заставить юлу остановиться.

Любимой игрой чеченских мальчиков была игра в альчики («гІулгаш»). Каждое из положений альчика имело свое название. Выигрывал тот, у кого альчик чаще становился при броске в положение «сах». Выигранные альчики составляли предмет гордости мальчиков. Одним из любимых развлечений была также стрельба из лука, в которой принимали участие дети с самого раннего возраста. Лук и стрелы они делали самостоятельно.

В играх детей объективно сочетались два важных фактора: с одной стороны, они включались в практическую деятельность, развивались физически, привыкали действовать самостоятельно, с другой – получали моральное и эстетическое удовлетворение от этой деятельности, а также в некоторой степени познавали окружающую среду. Таким образом, игры и игрушки – это одно из комплексных средств

воспитания, они были направлены на воспитание личности в целом, на всестороннюю физическую подготовку детей.

В четвертом параграфе анализируются воспитательные функции детских игр.

В прошлом игры в большинстве случаев, особенно в раннем возрасте, были творчеством самих детей, они передавались в детской среде из поколения в поколение. Игры детей младшего возраста воспитывали жизнелюбие, любознательность, образное мышление и чувство юмора. В играх детей среднего и старшего возраста воспитательное значение сводилось в большей степени к развитию интеллектуальных способностей. Часть игр и забав имела важное познавательное значение. С их помощью дети узнавали об окружающей их природе и обществе. В целом игровой материал сообщал детям элементарные сведения о быте, хозяйственных занятиях и социальном устройстве общества, о взаимоотношениях людей и т.д. (познавательный аспект). Были игры, целью которых являлось воспитание таких необходимых в жизни качеств, как наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в непредвиденной обстановке, быстрота реакции, находчивость (интеллектуальный аспект). Детские игры и развлечения, безусловно, в той или иной степени способствовали восприятию нравственных норм: чувство товарищества, справедливость, честность, принципиальность, умение постоять за честь своего коллектива, семьи, рода и т.д. (нравственный аспект). Практически все детские игры были важным средством воспитания, во всех играх имелся элемент целенаправленности.

Дети чеченцев, как и других народов, очень рано вступали в мир взрослых. Уже в 10–12 лет мальчики активно помогали взрослым мужчинам в трудовой деятельности. Процесс обучения, который начинался в игровой форме, очень скоро переходил в сферу реального труда. Этому способствовали условия традиционной культуры, где труд взрослых был близок и понятен детям. Приобщение ребенка к трудовой деятельности начиналось с игры, которая являлась одной из форм социализации детей, одним из каналов межпоколенной связи, по которому осуществлялась передача новому поколению основных знаний, понятий и навыков хозяйственной деятельности. Производственная игрушка дополняла игру, обеспечивая усвоение собственно трудовых навыков, в то время как сама игра способствовала значительно более широкому познанию окружающего мира.

ШЕСТАЯ ГЛАВА посвящена изучению традиций установления различных форм искусственного родства при выполнении детских обрядов.

В первом параграфе исследуются вопросы установления «повивального» родства. У чеченцев повивальная бабка, принявшая роды и перерезавшая пуповину, согласно обычаю, становилась родственницей этой семьей. Повзрослев, принятый ею ребенок

почитал ее как мать, помогал в случае необходимости материально. Накануне свадьбы принятого ею ребенка повитухе дарили отрез на платье («коч»); до конца жизни ей помогали, как своей родной матери. Неудивительно, что повивальные бабки пользовались в обществе большим уважением.

Существование повивального родства следует объяснять также и практическими соображениями: оно позволяло расширить круг родственников – как для семьи ребенка, так и для семьи повитухи. В условиях же дореволюционной Чечни расширение круга родственников имело большое значение для престижа семьи и фамилии. Повитухой могла быть только опытная пожилая женщина, имевшая здоровых и жизнерадостных детей, «легкую руку» («дай кьюг»), мягкий характер, которая знала необходимые магические обряды. Опытные, признанные повитухи были известны далеко за пределами своего села. Родственные отношения с женщиной, принявшей роды, поддерживались на протяжении всей ее жизни.

В разных жизненных ситуациях чеченцы прибегали к усыновлению и удочерению. Почти всем народам Кавказа было известно молочное родство. У чеченцев, если у матери не было молока или она была очень слаба после родов, ребенка кормила другая женщина, имевшая своего ребенка примерно такого же возраста. Дети, вскормленные молоком одной женщины, становились молочными братьями или молочными сестрами, или молочным братом и сестрой. Вскормившая их женщина становилась молочной матерью, что определяло обретение ею некоторых прав в семье вскормленного ею ребенка. Этническая принадлежность кормилицы, по словам информантов, в этом случае не имела принципиального значения.

Второй параграф посвящен установлению родства посредством свадебных и других семейных обрядов.

У чеченцев достаточно широко было распространено установление родства при наречении именем ребенка. Право дать имя новорожденному имели родственники, соседи, односельчане, иногда это право предоставлялось и гостю, если тот был почитаемым человеком. Наречение именем у чеченцев обычно сопровождалось организацией семейного празднества, на которое приглашались близкие родственники, соседи, в основном женщины, которые приходили с подарками для ребенка, а близкие родственники (дядя, дедушка, особенно родственники по матери) одаривали ребенка коровой, жеребенком или овцой, в соответствии с экономическими возможностями дарящего. Особенно торжественно происходило наречение именем первенца-мальчика. Впоследствии между ребенком и человеком, давшим ему имя, устанавливались особые отношения. Последний постоянно интересовался состоянием ребенка, которому дал имя,

его здоровьем, заинтересованно говорил о будущем ребенка и т.д. Когда ребенок становился взрослым, родственные отношения между ними сохранялись. Давший имя всегда занимал почетное место на обрядах и празднествах, связанных с важными событиями в его жизни: совершеннолетие, вступление в брак, рождение детей и т.д.

Достаточно близким родственником новобрачных становился и друг жениха, который перед выводом невесты из родительского дома обводил ее вокруг очага, а впоследствии выводил ее из родительского дома и приводил в новый дом. Существовало и «присяжное» родство, когда двое пили из одного сосуда, в котором лежали серебряные монеты. Они обменивались подарками, давали клятву верности и взаимопомощи. Как и другие формы родства, «присяжное» родство соблюдали со всей строгостью. Обряд заканчивался взаимными угощениями, уверением в нерушимости родственных отношений, проклятием тому, кто им изменит. Судя по всему, этот обряд по происхождению очень древний. По воззрениям горцев, в том числе и чеченцев, белое серебро, в отличие от железа не покрывающееся «грязной» ржавчиной, служило символом честной дружбы, чистоты родственных отношений. Возможно, поэтому о людях, обидевших друг друга, в народе говорят «юкьяметтиг мекха кхетта ю церан» («их взаимоотношения покрыты ржавчиной»).

Усыновление, побратимство и другие формы родства налагали родственные узы не только на отдельных людей и их семьи, но и на их кровную родню. Они должны были обеспечивать взаимную поддержку и помощь, для них запрещались браки в тех же степенях родства, что и при кровном родстве.

Искусственное родство устанавливалось также с тем, кто первый раз стриг волосы ребенку, с теми, у кого в доме останавливались жених и невеста перед свадьбой (если это случалось в доме не у родственников, а у друзей) и т.д. Впоследствии эти родственные связи закреплялись материальной взаимной помощью, запрещением брачных союзов между их семьями и т.д.

В третьем параграфе рассматриваются обычаи, связанные с побратимством и куначеством. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, были широко известны социальные институты побратимства и куначества. Побратимство (одна из форм искусственного родства) устанавливалось посредством определенного ритуала, который имел разные варианты в разных обществах, но в целом все они сводились к тому, что двое мужчин или подростков на основе крепкой дружбы давали друг другу клятву верности, взаимоподдержки, взаимопомощи. После этого в знак подтверждения своей клятвы они надрезали руки и пускали кровь, обменивались оружием или другими подарками. Об этом

сообщалось родственникам с обеих сторон, которые принимали побратима как своего брата.

Примечательно, что обычаи побратимства и куначества были характерны не только для чеченцев и других кавказских народов, но и для казаков, а также и других некавказских народов, проживавших на Кавказе. В основе социальных институтов куначества и побратимства лежали социально-экономические и культурные связи между народами в условиях патриархально-феодалных отношений и полунатурального хозяйства. Они играли существенную роль в общественном и семейном быту чеченцев и других народов Кавказа. Семьи побратимов и кунаков постоянно общались между собой и были частыми гостями друг у друга. Как правило, такие семьи принимали самое активное участие во всех делах друг друга: в случае кровной мести, женитьбы, замужества членов одной из семей и др. Хотя дети сами не выступали главными организаторами общения кунаков, побратимов и т.д., но существенную роль в воспитательном процессе играло участие детей в этих событиях, когда они имели возможность наблюдать за взрослыми, получая при этом уроки воспитания и усваивая соответствующие социальные нормы поведения.

Побратимство могло быть связано с разными обстоятельствами. Так, братались друзья, которые хотели создать дружеский союз («доттагIал», «вошелла»), что устанавливалось, как мы отмечаем, несколькими путями: клятвой в присутствии друзей и старших; смешением крови, для чего побратимы делали надрезы на руках; питьем молока из одной чаши, в которую клали серебряное или золотое кольцо, монету – что символизировало чистоту и верность роднящихся. Совершив эти обряды, названные братья должны были обменяться личными вещами: шашкой, башлыками, бурками и др., что также являлось символом установления братства. В честь такого важного события у одного из названных братьев собирались родственники, семьи с обеих сторон и устраивали «мовлюд». После этого они принимали на себя традиционные обязанности действительных родственников.

Кроме индивидуального родства, усыновления ребенка путем его кормления, у чеченцев бытовало и коллективное усыновление целого рода (тайпа) – «тайпана вежарий» – путем совершения обряда приема в род. Заинтересованный в этом тайп (род) устраивал большое угощение для другого тайпа. Резали быка, устраивали обильное угощение собравшихся представителей обеих родов. Такая форма установления искусственного родства называлась «сту бийна вежарий». Так, в с. Толстой-Юрт до настоящего времени живут представители двух тайпов, предки которых установили родство таким образом. Подобное породнение бытовало и у других народов Кавказа (например, адыгов).

В четвертом параграфе рассматривается институт аталычества.

Институт аталычества главным образом был связан с нормами феодального общества и в большей степени был характерен для народов Северо-Западного Кавказа (адыгейцев, черкесов, кабардинцев). Выбор аталыка проходил, как правило, не стихийно, а на основе соблюдения сословно-классовой дифференциации и имущественного фактора. Говоря об аталычестве у чеченцев, следует отметить, что у них оно не было распространенным и массовым явлением, но, тем не менее, наши полевые материалы, а также и некоторые литературные сведения показывают, что в XIX – начале XX в. аталычество бытовало и у чеченцев.

Аталычество (от тюрк. «*аталык*» – воспитатель, названный отец) – обычай, по которому ребенок (в основном мальчик) воспитывался в чужой семье. Горцы отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи своего или другого аула. По достижении 15 лет воспитанника торжественно возвращали в родной дом. Между аталыком и родителями воспитанника при этом возникали родственные отношения. Б. Далгат писал: «Аталычество, или обычай отдавать ребенка на воспитание в чужой род вдали от родины, столь часто практиковавшийся у черкесского племени, кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков, плоскостные чеченцы и ингуши заимствовали у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам и кумыкам, как более культурным народам, на воспитание»⁶⁴. Детей на воспитание, как правило, отдавали в состоятельные семьи, причисляемые к высшему сословию. Среди основной массы чеченского сельского населения, особенно в нагорной полосе, аталычество не было широко распространено. Чеченцы отдавали ребенка на воспитание в разном возрасте, в зависимости от конкретных условий. Так, если умирали родители, то близкий друг отца или родственники забирали ребенка и часто отдавали на воспитание в другие семьи. В течение того времени, когда ребенок находился у аталыка, родители и другие родственники не выказывали ребенку особых знаков внимания. Считалось, что частое общение с родителями препятствует формированию у юноши мужественного, волевого и самостоятельного характера. Сыновья аталыка и воспитанник считались молочными братьями, их связывало родство, по существу даже более сильное, чем кровное. Эти отношения соблюдались на протяжении всей их жизни и в дальнейшем продолжали соблюдаться их детьми.

В **Заключении** содержатся итоги диссертационного исследования, которое позволяет нам сделать следующие основные выводы.

Проведенное исследование позволило дать характеристику такому важному компоненту соционормативной культуры чеченского народа, как традиционная культура

---

⁶⁴ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. Владикавказ, 1925. С. 52.

воспитания. Традиционная культура воспитания включает в себя сложный комплекс традиций, представлений, совокупность механизмов и институтов социализации, средств, методов и способов воспитания, эмпирических педагогических взглядов и воззрений, направленных на воспитание подрастающего поколения, обеспечивающих усвоение необходимой системы знаний, норм и ценностей. Это богатейший и многообразный пласт народной культуры, который связан с фундаментальными, основополагающими вопросами существования и сохранения любого этноса как такового и его этнической культуры. В данной работе нами представлен анализ той модели социализации, которая была характерна для чеченского общества в XIX – начале XX в. и которая, по нашему мнению, действовала в тех социально-исторических условиях успешно и результативно.

Мир детства – важная часть образа жизни и культуры каждого народа; его изучение на примере традиционного чеченского общества, по нашему мнению, представляет интерес не только с точки зрения характеристики местной культурной специфики, но и в сравнительно-историческом плане. Исследование традиционной культуры воспитания детей, всесторонний учет и использование национальных традиций воспитания, народных педагогических знаний сегодня, как и всегда, следует считать весьма актуальной проблемой, которая представляет и научный, и значительный практический интерес.

Сравнительно-историческое изучение народного опыта воспитания детей и подростков в разных человеческих сообществах, в разных регионах, у разных народов, критерии оценки эффективности социализации детей и подростков в том или ином социуме – это актуальные, практически значимые и перманентно востребованные проблемы, изучение которых может быть успешным лишь при систематической междисциплинарной кооперации большинства наук о человеке и обществе. Историко-этнографические исследования этих проблем вносят немалый вклад в их решение.

Представленная диссертационная работа, основанная на анализе широкого круга источников, и в первую очередь уникальных полевых этнографических материалов, собиравшихся автором данной работы в течение многих десятилетий, является первым комплексным научным историко-этнографическим исследованием традиционной культуры воспитания чеченцев XIX – начала XX в. Нельзя сказать, что данная тема совсем не нашла отражения в научной литературе: она неоднократно привлекала внимание историков и этнографов, и некоторым ее аспектам посвящены отдельные статьи, или же эта тема затрагивалась в той или иной степени при изучении семейного и общественного быта, праздничной культуры, фольклора чеченцев и т.д. Однако до настоящего времени не было создано цельного, полного, систематического историко-

этнографического исследования, в котором бы достаточно детально освещались все аспекты данной темы.

В данной диссертационной работе дано комплексное, систематическое описание всех доступных для изучения сторон и аспектов традиционной культуры воспитания чеченцев, а также приводится сравнительный материал по народам Южного и Северного Кавказа, а также сопредельных и более отдаленных территорий. Привлечение широкого сравнительного материала позволяет наметить в традиционной культуре воспитания чеченцев общие, региональные и узколокальные черты, свойственные этой части духовной культуры чеченцев, выявить общее и особенное в изучаемых традициях и нормах.

Как свидетельствует анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, данный пласт традиционной культуры характеризуется значительной общностью основных своих элементов на территории практически всего Кавказского региона, причем здесь мы имеем в виду не только народы Северного, но и Южного Кавказа. Особенно много сходных, а порой и практически идентичных верований, ритуалов, обрядовых действий связано с периодом беременности, родами, появлением ребенка на свет и самыми ранними периодами его развития, способами защиты матери и ребенка от действий вредоносных сил, с мерами лечения «сглаза», различных детских болезней и т.д., которые основываются на древнейших религиозно-магических представлениях и богатом рациональном опыте, накопленном в течение веков. Немало сходного, а порой и идентичного у народов указанного региона и в традициях трудового, физического, нравственного воспитания.

В чем причина этого явления? Можно предположить, что это определяется несколькими факторами: 1) сходство тех природно-географических, социальных, экологических условий, в которых жили и живут эти народы, что вызывает формирование сходных норм, обычаев, традиций – т.е. появление сходных элементов культуры в результате процессов конвергенции; 2) этногенетическое родство кавказских народов, общий для большинства из них древнейший субстрат, который и определяет сходство многих элементов обрядности детского цикла, в значительной степени основанных на весьма архаичных религиозных представлениях и идущих из глубины веков рациональных познаниях.

Материалы нашего исследования демонстрируют, что для чеченцев, как и для большинства народов Кавказа изучаемого нами хронологического периода, одной из главных ценностей – как в рамках семьи, так и в рамках сельского сообщества, было наличие в семье детей – продолжателей родовых, фамильных, тайповых традиций.

Наличие детей воспринималось как насущная необходимость, без которой практически теряла смысл и ценность жизнь человека, семьи, социума. М.К. Мусаева отмечает аналогичную черту мировоззрения у народов Дагестана: по народным представлениям, важнейшей семейной и социальной обязанностью человека считалось рождение детей, «продолжение жизни семьи и родственной линии»⁶⁵. То же самое можно сказать и о других народах региона.

В связи с этим становится понятным, почему в традиционной культуре чеченцев (как практически всех народов региона) вплоть до начала XX в., а порой и значительно позже, сохранялся обширный и многообразный комплекс обрядов, ритуалов, рациональных и иррациональных методов лечения бесплодия. Как явствует из собранных нами полевых этнографических материалов, рациональные методы лечения в случае отсутствия детей (различные виды массажа, прогревания, использование целебных трав и т.д.) были многочисленны и нередко приносили положительные результаты. Наличие значительного числа рациональных методов и приемов лечения говорит о сравнительно высоком уровне развития народной медицины у чеченцев.

Характерный для чеченского общества XIX – начала XX в. «детоцентризм», высокая степень значимости подрастающего поколения для социальных групп разного уровня нашли отражение и в соционормативной сфере: по народным представлениям, обязанностью каждого взрослого члена общества было вступление в брак, статус женщины находился в прямой зависимости от наличия у нее детей, главным образом сыновей – продолжателей рода (поскольку в отсутствии детей вину, как правило, только женщину).

Анализ имеющихся материалов, которые относятся к периоду беременности, родам, послеродовому периоду, позволяет сделать вывод, что именно эта часть обрядового комплекса несет в себе влияние древнейших религиозных верований и представлений, когда-то свойственных чеченцам. Это и различные виды магических действий, отголоски почитания святых мест, священных деревьев, родников (родники «от сглаза», «молочные» родники), железа, различных диких (волк, медведь и т.д.) и домашних (бык, баран) животных. Это явление нельзя считать исключительно свойственным чеченской традиции. Так, по свидетельству исследователей, и у народов Дагестана «ранний цикл в этнографии детства характеризовали некоторая архаичность, насыщенность различными магическими обрядовыми действиями, суевериями, сохранившимися в силу особой

---

⁶⁵ Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006. С. 19.

консервативности и ригидности семейно-бытовой сферы»⁶⁶. То же самое можно сказать и о других кавказских народах. Определенная архаичность обрядности детского цикла позволяет выявить основные черты древнейших верований чеченцев, проследить развитие некоторых социальных институтов.

Особое внимание проявлялось к женщине в период беременности, а также в послеродовой период – к матери и новорожденному, в силу совершенно правомерных народных представлений, что именно в это время требуется обеспечить для них необходимый уход, полноценный режим питания, спокойную обстановку, защитить от реальных опасностей и воздействия всевозможных сверхъестественных «злых сил», что достигалось как рациональными, так и иррациональными методами.

Для чеченского общества были характерны богатые традиции лечения различных болезней и травм методами народной медицины. Особым разнообразием отличался арсенал средств лечения детских болезней, которые характеризовались сочетанием методов рациональных, основанных на эмпирическом опыте врачевания, и методов иррациональных, основанных на представлениях о возникновении тех или иных недугов под влиянием действия различных сверхъестественных сил, сглаза, порчи и т.д.

Первоначальная социализация ребенка в чеченском обществе была связана в основном с проведением различных обрядов детского цикла, большинство которых приходилось на первый год жизни ребенка, когда выполнением того или иного обряда отмечались этапы его развития – как биологического, так и социального (первое купание, кормление, укладывание в колыбель, наречение именем, первая стрижка волос и ногтей, первый шаг и т.д.). Многие из этих обрядов включали определенные магические действия, относящиеся к «магии счастливого начала» – поскольку, по народным представлениям, хорошее, счастливое начало сулило столь же успешное продолжение.

Как свидетельствуют материалы нашего исследования, традиционное чеченское общество было кровно заинтересовано в воспитании всесторонне развитого, умелого, социально адаптированного поколения. Воспитание в чеченском обществе имело комплексный характер и было направлено на всестороннее развитие ребенка, на передачу ему необходимого для будущей жизни хозяйственного, социального, коммуникативного, культурного, нравственного, этического, эстетического опыта. Свойственная чеченскому обществу культура воспитания обеспечивала успешную, всестороннюю социализацию подрастающего поколения, подготовку полноценных, физически развитых и морально зрелых для своего времени молодых людей.

---

⁶⁶ Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 14.

Основным стержнем воспитательного процесса в чеченском обществе было трудовое воспитание. В трудовом воспитании существовали определенные возрастные этапы, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к людям труда, представления о значимости в семейной и общественной жизни труда земледельца, животновода, ремесленника. Фактически частью трудового воспитания было усвоение подрастающим поколением экологических знаний, необходимых как для успешной трудовой деятельности, так и для поддержания гармоничного взаимодействия с окружающей средой.

Нравственное воспитание подрастающего поколения осознавалось традиционным чеченским обществом как первоочередная задача семьи, родственного коллектива, всего общества в целом. Об этом свидетельствуют памятники устного народного творчества (пословицы, предания, героические поэмы «илли» и т.д.), отразившие народные установки на обязательность усвоения подрастающим поколением общественно признанных и одобряемых норм поведения. Традиционный этикет регламентировал поведение всех членов общества в зависимости от пола, возраста, семейного и общественного положения, ситуативных особенностей форм общения.

На протяжении длительного времени чеченское общество, отвечая на существующие социальные запросы и в соответствии с особенностями своего социально-экономического развития вырабатывало приемы воспитания детей в семье и в обществе. В первую очередь народная система воспитания была направлена на становление и укрепление тех свойств и качеств, которые могли потребоваться детям в дальнейшей жизни в соответствии с реальными условиями жизни. Это достигалось, как мы стремились показать в диссертационной работе, в традиционной семье и в традиционном чеченском обществе путем сочетания разных форм воспитания (трудового, физического, нравственного, этического, эстетического), а также конкретных воспитательных приемов, которые были связаны с личным примером родителей, старших, родственников и соседей, играми, семейными и общественными праздниками т.п. Бытование традиционного уклада семейной жизни и традиционных форм разделения труда по полу и возрасту, как показало данное исследование, обуславливали заметные различия в воспитательном процессе мальчиков и девочек, что отмечалось с самого раннего детства.

Взаимоотношения между детьми и родителями у чеченцев в прошлом регламентировались многочисленными обычно-правовыми и религиозными нормами. Воспитать, женить сына, выдать дочь замуж считалось родительским долгом; заботиться о

престарелых родителей – священной обязанностью детей и в первую очередь – сыновей. Отступление от этих нравственно-этических норм поведения осуждалось чеченским обществом.

Следует отметить, что характерная для чеченского общества модель социализации реализовывалась не только в рамках семьи; значительное участие в деле воспитания принимала и община. Это выражалось в том, что семья, воспитывая детей, ориентировалась в первую очередь на те нормы и правила, которые были выработаны и функционировали в рамках общины.

Для традиционной культуры воспитания чеченцев была характерна ярко выраженная гендерная составляющая. Практически с самого рождения происходила идентификация детей по полу (особые колыбельные для мальчиков и девочек и т.д.). Доминирование в семье и обществе мужского начала имело и символическое выражение: это и различное отношение в семье и обществе к рождению мальчика и девочки, и обусловленные полом ребенка отличия в проведении тех или иных детских обрядов, некоторые особенности этикетных норм и т.д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что отмеченные гендерные различия, отчетливо выраженная дихотомия мужского и женского начала, свойственная чеченцам, как и большинству кавказских народов⁶⁷, не свидетельствовали в большинстве случаев о значимом гендерном неравенстве в чеченском обществе. Они были направлены прежде всего на четкое разделение, упорядочивание мужского и женского пространства чеченской культуры, на сохранение половозрастной иерархии и внутренней структуры семейной и общественной жизни, на формирование символов и моделей мужского и женского поведения. В отношении чеченской культуры можно говорить скорее не о противопоставлении, а о взаимодействии, взаимодополняемости мужского и женского миров, формировавших благодаря этому жизнеспособную общественную моде

В чеченском обществе, несмотря на указанную гендерную специфику, существовала единая модель социализации для мальчиков и девочек, юношей и девушек. Но с учетом специфики общественных функций мужчин и женщин, уже в рамках этой единой модели социализации осуществлялся дифференцированный гендерный подход, который проявлялся в специфике некоторых методов и форм воспитания мальчиков и девочек.

Педагогические познания чеченского народа исследуемого периода не осознавались как что-то обособленное и составляли органическую часть общих знаний о законах общества и окружающей действительности, они во многом определялись народной философией и моралью, были тесно взаимосвязаны с различными

---

⁶⁷ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. С. 11.

хозяйственными, метеорологическими, экологическими и т.п. знаниями, с функционированием разного рода социальных институтов, с религиозными нормами, правилами поведения в обществе и т.д.

Традиционная культура воспитания, функционировавшая в чеченском обществе в XIX – начале XX в., представляла собой важную составную часть духовной культуры чеченского народа. Она располагала богатым арсеналом средств, методов, приемов воспитания подрастающего поколения и обеспечивала успешное усвоение представителями новых, входящих в жизнь поколений всего того комплекса знаний, умений, навыков, этикетных норм и т.д., которые требовались для вхождения в социально-этническое пространство чеченского этноса. Результативность традиционной культуры воспитания чеченцев XIX – начала XX в. позволяет нам утверждать, что опыт прежних поколений должен быть обязательно учтен и в современном чеченском обществе. Современное воспитание, устремленное в будущее, конечно, не может и не должно опираться только на опыт прошлого. Но необходимо тщательно изучать этот богатый опыт ушедших поколений, осмысливать его уроки и учитывать их при построении современных образовательных стратегий.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007 (30 п.л.).
2. Нравственная культура «Гиллакх-оьздангалла» чеченцев в XIX – начале XX в. Грозный, 2007 (5,5 п.л.).
3. Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012 (29,5 п.л.) (в соавт.).

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих периодических журналов, рекомендованных ВАК РФ:

1. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник МГУ. Серия «История». М., 1981. № 1. С. 85–94 (1 п.л.).
2. Общие принципы нравственной культуры чеченцев (XIX – начало XX в.) // История науки и техники. М., 2008. № 3. С. 59–61 (1 п.л.).
3. Лечебные и другие виды магии, применяемые в народной медицине чеченцев (по этнографическим материалам) // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Ростов-на-Дону, 2009. № 3А (151 А). С. 31–34 (0,5 п.л.).

4. Обрядовый комплекс традиционной чеченской свадьбы: XIX – начало XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. Вып. 9. С. 126–136 (0,5 п.л.).
5. Традиционные обычаи и обряды народов Северного Кавказа и Дагестана, связанные с бесплодием // Вестник Майкопского гос. университета. Майкоп, 2011. № 2. С. 45–54 (1 п.л.) (в соавт.).
6. Взаимоотношения в семье в традиционном чеченском обществе (XIX – начало XX в.) // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2012. № 3. С. 39–43 (0,5 п.л.).
7. Некоторые обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 35–42 (1 п.л.) (в соавт.).
8. Роль семьи в процессе духовно-нравственного воспитания и передачи культурных традиций молодежи // История науки и техники. М., 2012. № 7. С. 186–191 (0,5 п.л.) (в соавт.).
9. Искусство воспитания в чеченской семье в XIX–XX вв. по этнографическим материалам // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 3. С. 37–44 (1 п.л.).
10. Некоторые аспекты трудового воспитания детей в традиционном чеченском обществе в конце XIX – начале XX в.) // История науки и техники. М., 2012. № 7. С. 182–186 (1 п.л.).
11. Взаимоотношения в семье в традиционном чеченском обществе (XIX – начало XX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2012. № 3. С. 39–43 (0,5 п.л.).
12. Некоторые обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 35–42 (1 п.л.).
13. Нравственное и эстетическое воспитание детей на примере чеченского народа (XIX – начало XX в.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. № 3. С. 92–105 (1 п.л.).
14. Пища в похоронно-погребальной обрядности чеченцев XIX – начала XX в. (по этнографическим материалам) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 2. С. 280–282 (0,5 п.л.).

15. К вопросу о роли семьи и общества в воспитании детей в традиционном чеченском обществе в XIX–XX вв. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 3. С. 209–212 (0,5 п.л.).

16. Сохранение магии и магических обрядов в семейной обрядности чеченцев в дореволюционном прошлом // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 4. С. 149–152 (0,5 п.л.).

17. Формы заключения брака и свадебная обрядность чеченцев в XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 5. С. 114–118 (0,5 п.л.).

Разделы коллективных работ:

Очерки этнографии чеченцев и ингушей: Учебное пособие. Грозный, 1990. 94 с. (в соавт.).

История Чечено-Ингушетии (7–8 классы): Учебное пособие. Грозный, 1991. Автор гл. IX.

Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М.: Наука, 2012. 622 с. Автор гл. 7 «Семья и семейные отношения» (2,5 п.л., с. 351–387), раздела «Традиции коллективной взаимопомощи» (0,5 п.л., с. 334–338). Соавтор разделов: «Кустарные промыслы и ремесла» (1,5 п.л., с. 154–172), «Охота и рыболовство» (0,5 п.л., с. 172–177), «Пища» (1 п.л., с. 225–236), «Пути сообщения и средства передвижения» (1 п.л., с. 264–269), «Этикетно-поведенческие нормы» (1 п.л., с. 323–333), «Игры и развлечения» (0,5 п.л., с. 338–344), «Гостеприимство и куначество» (0,5 п.л., с. 344–350), «Народная медицина» (0,5 п.л., с. 498–506).

Публикации в других изданиях:

1. Воспитание детей в большой семье чеченцев // Аргун. Грозный, 1977. № 1 (0,5 п.л.).

1. Пережитки большой семьи у чеченцев в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 9. С. 111–130 (1 п.л.).

2. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционный период // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67–92 (1,5 п.л.).

3. Патронимия в системе сельской общины чеченцев во второй половине XIX – начале XX в. // Быт сельского населения Дагестана. Махачкала, 1981. С. 73–87 (1 п.л.).

4. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982. С. 14–37 (1,5 п.л.).
5. Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным и семейным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 43–62 (1,5 п.л.).
6. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в конце XIX – начале XX в. // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984 (1 п.л.).
7. О народном воспитании у вайнахов в XIX – начале XX в. // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный, 1985 (0,5 п.л.).
8. Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 34–51 (1 п.л.).
9. Отражение социально-культурных изменений в семье чеченцев и ингушей // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 40–58 (1 п.л.).
10. Пища в семейно-бытовой обрядности чеченцев и ингушей // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 79–95 (1 п.л.).
11. Из опыта народной педагогики вайнахов в XIX – начале XX в. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 104–112 (1 п.л.).
12. Обрядовая функция одежды вайнахов // Материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 112–124 (1 п.л.).
13. Свободное время и формы его использования у чеченцев и ингушей. // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 118–135 (1 п.л.).
14. О народных приемах воспитания здорового ребенка у чеченцев // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992 (1,5 п.л.).
15. Проблемы семейной педагогики у чеченцев // Материалы Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1999–2000. Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 111–113 (0,2 п.л.).
16. Нравственная культура чеченцев // Сборник статей профессорско-преподавательского состава ЧГПИ. Грозный, 2001. С. 182–191 (1 п.л.).
17. Народные лекари, знахари и шаманы // Сборник статей профессорско-преподавательского состава ЧГПИ. Грозный, 2002. С. 153–165 (в соавт.) (1 п.л.).
18. Вайнахский этикет (традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов (XIX – начало XX в.)) // Культура Чечни: История и современные проблемы. М.,

2002. С. 109–126 (1 п.л.).

19. К вопросу о терминологии объединений людей чеченского общества в XIX в. // Труды Грозненского гос. нефтяного института им. М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2002. Вып. 2. С. 400–410 (0,5 п.л.).

20. Этнография детства чеченцев в XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2003. № 3. С. 91–100 (1 п.л.).

21. К вопросу об имущественно-правовых взаимоотношениях членов большой семьи чеченцев в конце XIX – начале XX в. // Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 2003. С. 363–373 (0,5 п.л.).

22. Сельская община и духовная жизнь чеченцев в дореволюционном прошлом // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа: Материалы научной конференции. Грозный, 2003. С. 63–67 (0,5 п.л.).

23. Магия в системе дореволюционной семейно-бытовой жизни чеченцев // Вестник «Лам»: Бюллетень центра комплексных исследований и популяризации чеченской культуры. Грозный, 2004. № 24. С. 35–40 (0,5 п.л.).

24. Общественная и личная собственность членов большой семьи (XIX – начало XX в.) // Чечня на рубеже веков: Состояние и перспективы. Грозный, 2004. С. 216–221 (0,5 п.л.).

25. Роль семьи в процессе передачи культурных традиции // Чечня на рубеже веков: Состояние и перспективы. Грозный, 2004. С. 221–224 (0,5 п.л.).

26. Женщина и нормы общественного быта чеченцев в XIX – начале XX в // Материалы конф., посвящ. 85-летию Чеченского гос. музея. Грозный, 2005. С. 118–126 (0,5 п.л.).

27. Почитание огня и домашнего очага у чеченцев в прошлом // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2006. С. 114–119 (1 п.л.).

28. Вайнахский этикет (традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX в.) // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006. С. 202–218 (1 п.л.).

29. Нравственность – это главное. Вайнахский этикет // Этносфера: Народы и культуры в зеркале России и мира. М., 2008. № 5. С. 21–23 (0,2 п.л.).

30. Нравственные традиции и вера чеченцев // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Наука, образование и производство», посвящ. 95-летию со дня рождения М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2008. С. 370–375 (в соавт.) (0,5 п.л.).

31. Лечение детских болезней у чеченцев // Сб. научных трудов КНИИ РАН. Грозный, 2009. Вып. 2. С. 584–593 (в соавт.) (1 п.л.).

32. Наследование и раздел семейного имущества в традиционном чеченском обществе // Известия Чеченского гос. пединститута. Грозный, 2009. № 1. С. 108–115 (1 п.л.).
33. Народные знания и промыслы чеченцев // Семья как элемент социальной сферы: Сб. научных статей II Всерос. науч.-практ. конф. Кизляр, 2009. С. 133–138 (0,5 п.л.).
34. Взаимоотношения между поколениями у чеченцев XIX – начала XX в. // Семья как элемент социальной сферы: Сб. научных статей II Всерос. науч.-практ. конф. Кизляр, 2009. С. 150–154 (0,5 п.л.).
35. Нравственная направленность женского воспитания в чеченской этнопедагогике // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. М., 2010. С. 294–297 (0,5 п.л.).
36. Специфика трудового воспитания детей у чеченцев в разных отраслях хозяйства // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Р.М. Магомадова. Махачкала, 2010. С. 337–341 (0,5 п.л.).
37. Эстетическое воспитание детей в чеченской семье в XIX–XX вв. (по этнографическим материалам) // Этнопедагогика в современном обществе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году Учителя. Грозный, 2010. С. 539–547 (в соавт) (0,5 п.л.).
38. Этнопедагогическая функция детских игр в чеченском обществе XIX–XX вв. (по этнографическим материалам) // Этнопедагогика в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. Году учителя. Грозный, 2010. С. 548–555 (0,5 п.л.).
39. Роль народных игр в традиционной системе воспитания у чеченцев // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 44–51 (в соавт.) (0,5 п.л.).
40. Обрядовая функция пищи в детской обрядности в традиционном чеченском обществе // Наука и образование в ЧР: состояние и перспективы развития. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию со дня основания КНИИ РАН. Грозный, 2011. С. 266–268 (0,5 п.л.).
41. Система расселения патронимии (гара) в рамках сельской общины // Актуальные проблемы истории Чечни. Грозный, 2011. С. 133–142 (1 п.л.).
42. Роль религии в воспитании современной молодежи // Вестник Чеченского гос. университета. Грозный, 2012. С. 116–119 (в соавт.) (0,5 п.л.).
43. Развитие общества и положение женщины-чеченки в первые годы советской власти // 2012 год – Год российской истории: Материалы региональной науч. конф.

«Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность», посвящ. 90-летию автономии Чечни. Грозный, 2013. С. 205–208 (в соавт.) (0,5 п.л.).

44. Традиционный этикет и культура общения чеченцев в XIX–XX вв. // IV Ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава ЧГУ. Грозный, 2015. С. 203–210 (0,7 п.л.).